«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 г.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ IV

1-го АВГУСТА 1931 г.

ПАРИЖЪ

«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 г.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ IV

1-го АВГУСТА 1931 г.

ПАРИЖЪ

ВОСПОМИНАНІЯ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ НИКОЛАѢ НИКОЛАЕВИЧѢ

(Февраль 1929 года).

Нравственный и историческій обликъ въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Николая Николаевича настолько неизмѣримо великъ, и настолько тѣсно связанъ съ исторіей Россіи, что описаніе его во всемъ объемѣ будетъ по плечу лишь будущимъ историкамъ, которые огромнымъ трудомъ и искусно владѣя перомъ, сохранятъ для потомства весь величавый обликъ этого послѣдняго Русскаго богатыря духа!

Мнѣ бы хотѣлось, въ этомъ краткомъ очеркѣ сообщить очень неумѣло нѣсколько эпизодовъ изъ жизни Великаго Князя, которые говорятъ сами за себя, не нуждаясь ни въ какихъ поясненіяхъ и по нимъ, мнѣ кажется, легко составить себѣ впечатлѣніе объ личности покойнаго Великаго Князя, какъ человѣка. Многимъ изъ насъ еще памятны лихіе 1905-1906 г. г. Это была генеральная репетиція той катастрофы, которая разрушила нашу Родину, а насъ разсѣяла бездомными скитальцами по всему міру.

Осенью 1905 г. Великій Князь съ немногими приближенными жилъ въ своемъ Тульскомъ имѣ-

ніи Першино. Разруха, не встрѣчая нигдѣ энергичнаго отпора, все разрасталась и, наконецъ, всѣ желѣзныя дороги забастовали и запылали помѣщичьи усадьбы!

Въ это самое время Великій Князь получаетъ телеграмму отъ Государя Императора, вызывающую Его въ С. Петербургъ. Какъ быть?.. Отъ Першина до Москвы свыше 100 верстъ. Дороги осенью въ Россіи извѣстны всякому изъ насъ. Желѣзная дорога бастуетъ. Анархія растетъ...

Великій Князь, не задумывался ни на одну минуту. Разъ Государь Императоръ Его вызываетъ, надо хоть пѣшкомъ, но добираться до мѣста. Приказано осѣдлать охотничьихъ лошадей. И въ сопровожденіи Своихъ гостей и нѣсколькихъ псарей, Великій Князь ѣдетъ верхомъ черезъ всю Тульскую губернію, уже объятую пожарами и разгромами помѣщичьихъ усадьбъ, прямо въ Москву, гдѣ на паровозѣ, управляемомъ инженеромъ, благополучно прибываетъ въ С. Петербургъ къ полному недоумѣнію всѣхъ.

Тутъ какъ извѣстно Его ожидало назначеніе на постъ Главнокомандующаго Войсками Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа.

Началась со стороны Великаго Князя горячая работа, какъ по образованію Высочайше ввѣренныхъ Ему войскъ, такъ и непреклонная борьба съ разраставшейся въ войскахъ крамолой.

Сразу почувствовали враги нашей Родины, что при Великомъ Князѣ имъ не удастся ихъ адскій замыселъ, и было рѣшено покончить съ Нимъ.

Сколько разъ при мнѣ предостерегали Великаго Князя объ той огромной опасности, которой онъ себя подвергалъ, объѣзжая Свой Округъ, безъ

всякой охраны. Онъ только улыбался и говорилъ: «отъ судьбы не уйдешь»...

Наконецъ, были раскрыты нѣсколько заговоровъ, готовившихъ покушенія на жизнь Великаго Князя. Онъ продолжалъ такъ же спокойно исполнять свой солдатскій долгъ, вплоть до окончательнаго подавленія гнуснаго всероссійскаго бунта.

Для характеристики хладнокровія Великаго Князя въ моментъ опасности приведу одинъ случай мало кому извѣстный.

Во время лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ былъ періодъ отрядныхъ маневровъ. Составлялись небольшіе отряды изъ трехъ родовъ оружія, подъ командой генераловъ, которые получали боевыя задачи, при чемъ обѣ стороны разводились на нѣкоторое разстояніе и затѣмъ наступали другъ на друга.

Придавая огромное значеніе этимъ малымъ маневрамъ, на которыхъ примѣнялось впервые все, что было почерпнуто изъ боевого опыта только что оконченной Японской войны, Великій Князь лично ежедневно ѣздилъ на эти маневры, слушалъ ихъ разборъ и говорилъ Свое заключительное слово.

Тотъ случай, о которомъ я хочу разсказать, произошелъ какъ разъ на такомъ маневрѣ.

Великій Князь, верхомъ, окруженный Своимъ штабомъ, стоялъ у трибуны Красносельскихъ скачекъ. На противоположной окраинѣ скакового поля наступала пѣхотная часть густой цѣпью. Ружейный огонь все усиливался. Вдругъ надъ Великимъ Княземъ ясно послышался свистъ пролетѣвшей пули, которая ударилась въ деревянную постройку

скаковыхъ трибунъ.... Всѣ насторожились. Черезъ нѣсколько секундъ еще пуля! еще! и еще!!!

Въ штабѣ поднялась суета.

Я въ этотъ день былъ дежурнымъ адъютантомъ и поэтому стоялъ у самаго стремени Великаго Князя и ясно видѣлъ Его тонкое породистое лицо. Онъ былъ совершенно спокоенъ и какъ будто только чуть чуть презрительно улыбался!

Понеслись ординарцы, остановить наступленіе. Начались допросы, дознанія, никакихъ, конечно, результатовъ не давшіе, а Великій Князь, какъ будто ничего особеннаго не случилось, приказалъ продолжать маневръ...

Зная, что Его присутствіе на маневрахъ и ученіяхъ волновало многихъ начальниковъ и приводило ихъ въ нервное состояніе, отъ котораго страдало дѣло, Великій Князь старался шуткой разсѣять натянутую атмосферу — и Ему это удавалось, чему нижеслѣдующій примѣръ:

Маневръ разыгрывался около деревни Русское Капорское, въ которой находилось офицерское собраніе Л. Гв. Гусарскаго Е. В. п. Руководителемъ и старшимъ посредникомъ былъ генералъ Лешъ, покрывшій себя недавно до этого славою въ должности Командира I Его Величества Восточно-Сибирскаго Стрѣлк. полка. Погода была отчаянная: холодъ, вѣтеръ, дождь — ну какъ часто бывало въ Красномъ Селѣ. Великій Князь приказалъ вынести столикъ съ закусками и водкою изъ гусарскаго собранія. Прозябшіе и промокшіе офицеры съ восторгомъ привѣтствовали появленіе «резервовъ». Генералъ Лешъ, наливъ рюмку водки, поднесъ ее Великому Князю.

Тотъ отказался. Тогда Лешъ совершенно серьезно сказалъ Великому Князю: «напрасно Вы, Ваше Императорское Высочество, не пьете водку». — «А почему?», улыбнувшись спросилъ Великій Князь. — «А вотъ почему», началъ Лешъ, «былъ у меня въ полку батальонный командиръ баронъ Рабенъ. Онъ тоже водку не пилъ. Игралъ онъ въ фанзѣ со своими офицерами въ винтъ. Вдругъ влетѣла шимоза и оторвала Рабену голову, а его три партнера остались цѣлы!» — «Наливайте скорѣе, да и побо́льше», съ притворнымъ ужасомъ воскликнулъ Великій Князь и выпивъ спросилъ у Леша: «Вѣдь вы, ваше превосходительство, окончили академію генеральнаго штаба по второму разряду, не правда ли?». — «Такъ точно, Ваше Императорское Высочество». — «Я замѣтилъ», продолжалъ Великій Князь, «что изъ окончившихъ академію по второму разряду выходятъ выдающіеся генералы, напримѣръ, Скобелевъ, вы...», и затѣмъ сдѣлавъ паузу и улыбнувшись, прибавилъ: «а я окончилъ съ золотой медалью».

Конечно, взрывъ хохота всѣхъ окружающихъ былъ отвѣтомъ на эту шутку и настроеніе у всѣхъ поднялось.

Насколько величественная фигура Великаго Князя была всѣмъ и всегда извѣстна, видно будетъ изъ слѣдующаго:

Въ 1910 году, въ Вѣнѣ была международная охотничья выставка. Русскій павильонъ предполагался, конечно, грандіознымъ и Великій Князь былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для его устройства.

Въ это время произошла аннексія Босніи и Герцеговины и наши отношенія съ Австріей обостри-

лись настолько, что рѣшено было Россіи не участвовать на выставкѣ вовсе.

Осенью того же года Великій Князь былъ посланъ Государемъ Императоромъ вручить фельдмаршалскій жезлъ Королю Черногорскому, по случаю 50-лѣтняго юбилея Его царствованія.

Великій Князь, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы на обратномъ пути, соблюдая строжайшее инкогнито, подъ именемъ графа Першинскаго, осмотрѣть интересовавшую Его выставку.

Прибыли мы въ Вѣну рано утромъ и остановились въ гостинницѣ Захеръ.

Черезъ 20 минутъ Великій Князь и я уже неслись въ простомъ такси на выставку, помѣщавшуюся гдѣ то далеко.

Подъѣхавъ ко входу, у контрольныхъ вертушекъ коего стояли сторожа, одѣтые въ тирольскіе костюмы, Великій Князь остался ждать меня, я же пошелъ въ кассу взять билеты.

Получивъ ихъ, я обернулся, чтобы идти къ Великому Князю и увидалъ Его быстро шагающимъ уже по главной аллеѣ выставки, а сторожа, съ шляпами въ рукахъ, смотрѣли Ему вслѣдъ. Я бросился бѣжать, всунувъ на ходу билеты, и догналъ улыбающагося Великаго Князя, который встрѣтилъ меня словами: «хорошо инкогнито»!!!

Я недоумѣвая смотрѣлъ на Него. «Ну, да», продолжалъ Великій Князь, «пока ты бралъ билеты, а я ждалъ у входа, сторожа посмотрѣли на меня, потомъ что то промежъ себя сказали и вдругъ точно по командѣ сняли шляпы и, обратившись ко мнѣ, сказали:

«Bitte Ihre Kaiserliche Hoheit hinein zu gehen».

«Вотъ тебѣ и инкогнито», окончилъ Великій Князь.

Ярче всего выступаетъ во всемъ величіи ясный образъ этого скромнаго и глубоко религіознаго человѣка, въ Его словахъ, сказанныхъ мнѣ въ сентябрѣ 1915 года, въ Першинѣ, послѣ Своего назначенія Намѣстникомъ на Кавказъ.

Многимъ еще памятно, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ узнали войска на фронтѣ объ отчисленіи Великаго Князя отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ это время я командовалъ 2-й бригадой 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Наша дивизія стояла въ Пинскихъ болотахъ, гдѣ, конечно, никакія кавалерійскія сколь бы то ни было значительныя массы дѣйствовать не могли. Поэтому начальникъ дивизіи предложилъ мнѣ уѣхать на нѣсколько дней въ С. Петербургъ. Прибывъ къ себѣ домой, я написалъ Великому Князю письмо, въ которомъ, какъ всегда, чистосердечно, разсказалъ объ томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое произвела на фронтѣ происшедшая перемѣна. Вскорѣ я получилъ отъ Великаго Князя телеграмму, въ которой Онъ мнѣ сообщалъ, что беретъ меня съ собою на Кавказъ и чтобы я немедленно прибылъ къ Нему въ Першино, гдѣ онъ ждалъ, чтобы престарѣлый графъ Воронцовъ-Дашковъ выѣхалъ изъ Тифлиса.

Пріѣхалъ я въ Першино подъ вечеръ и сразу былъ проведенъ въ кабинетъ Великаго Князя, котораго засталъ сидящимъ въ своей старой охотничьей курткѣ, у письменнаго стола, какъ всегда, совершенно спокойнаго и привѣтливо улыбающагося.

Послѣ того, какъ я доложилъ обо всемъ видѣн-

номъ мною на фронтѣ, Великій Князь сказалъ нижеслѣдующія слова, которыя привожу почти дословно, до того они врѣзались мнѣ въ память:

«Ты меня знаешь хорошо. Никогда я не думалъ о Себѣ, какъ о великомъ полководцѣ и не мнилъ себя Наполеономъ. Но Господь Богъ далъ Мнѣ совершенно Мною незаслуженный ореолъ... Вотъ этотъ то ореолъ и не надо было трогать»!

Весь скромный и глубоко религіозный Великій Князь высказался въ этихъ немногихъ словахъ и такимъ Онъ не переставалъ быть, несмотря на всѣ ужасы, черезъ которые пришлось Ему бѣдному пройти впослѣдствіи, и такимъ онъ предсталъ передъ Престоломъ Всевышняго наканунѣ нашего Русскаго Рождества 1928 года.

Графъ **Ѳеодоръ Нироdъ.**

«ПЕРВЫЯ РАНЫ»

Солнце встало, солнце жмурится
На окошкахъ стаи мухъ
Горбатовскихъ клохчетъ курица
И грызетъ ее Матухъ*)
Леня съ Марочкой у лужицы
Впрокъ готовятъ пирожки...

У всякаго русскаго полка, какъ это намъ особенно ясно теперь въ сравненіи съ здѣшними, была не только своя физіономія, но своя душа, опредѣленная, накладывавшая на каждаго офицера, прослужившаго нѣкоторое время въ данномъ полку, свой, особенный отпечатокъ. Можетъ быть, даже навѣрное, многое дѣлалось безсознательно, но всѣ эти словечки, шутливыя прозвища, непремѣнно отражали душу полка.

Лейбъ-Драгуны были, изо всей дивизіи, самымъ семейнымъ полкомъ, въ немъ одно время числилось 24 женатыхъ. Говорили, что этому причина провинція, но Кречевицы отошли въ прошлое, а ново-произведенные въ полкъ петербуржцы неуклонно продолжали подавать рапорты о разрѣшеніи вступить въ законный бракъ. Гриневу бы-

*) Матушекъ — такса М. А. Гриневой.

ло, помнится, лѣтъ 20, Горбатовскому немногимъ больше.

Молодежь, женясь, уходила изъ штаба, гдѣ корнетскія квартиры были тѣсны для семейныхъ и селилась поближе къ службѣ, по бульвару Юркевича. Между «Юркевичемъ» и «Штабомъ» образовалось даже легкое облачко сепаратизма. Онѣ находили насъ вольнодумками, мы же подтрунивали надъ ихъ консерватизмомъ. Штабъ свято блюлъ традиціи, заведенныя въ эпоху преисторическую какой то «старшей дамой». Юркевичъ эти традиціи отрицалъ и веселился по своему, какъ умѣлъ. Помню двѣ знаменитыя маевки... но рѣчь идетъ теперь, увы, не объ весельѣ...

Въ іюнѣ 1914 года, полкъ ушелъ въ лагери, мы же, почти всѣ, оставались въ Петергофѣ, куда часто наѣзжали мужья.

Этимъ лѣтомъ, А. В. Де-Виттъ, вычитавъ откуда то о новомъ, наирадикальнѣйшемъ способѣ похудѣть, пригласила меня раздѣлить съ ней кампанію. Обѣимъ это было, вотъ какъ нужно! Леченіе состояло въ томъ, что каждый третій день голодали, разрѣшая себѣ лишь два стакана молока и одинъ сухарь. Одинъ! Было рѣшено, что голодные дни будемъ проводить вмѣстѣ, для поддержанія бодрости. И вотъ, 14-го іюля выпалъ именно такой день. Выпивъ положенный стаканъ, придумали, развлеченія ради, купать Ирочку. Положили дѣвчурку въ ванну, а она очаровательно била ножками по водѣ и смѣялась. Вдругъ, звукъ трубы, затѣмъ мѣрный, знакомый топотъ. Мы обѣ бросились на балконъ: сверкая на солнцѣ мѣдными трубами, плавно, красиво вступалъ въ Петергофъ нашъ полкъ, нашъ чудный, любимый полкъ! Господи, и

не сказало сердце, что видимъ его такимъ въ послѣдній разъ!

А изъ дѣтской, между тѣмъ, раздавался обиженный плачъ Ирочки, которая чувствовала себя покинутой мамой и тетей...

Въ первую секунду мы легкомысленно обрадовались концу маневровъ, но затѣмъ стало очень тревожно. Вѣсти были грозныя. Впрочемъ я, большая оптимистка отъ природы, утѣшала себя, что это лишь демонстрація, которая охладитъ австрійскій пылъ. Событія, между тѣмъ, развертывались съ ужасающей быстротой, переворачивалась страница исторіи, міръ вступалъ въ новую эру.

18-го числа, въ 5 часовъ утра, полкъ уже грузился въ огромномъ, застекленномъ вокзалѣ Новаго Петергофа. Только что, тяжкимъ бредомъ мелькнуло страшное прощаніе на дому, порогъ котораго уѣзжающій переступалъ, кто знаетъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Я не плакала, думается никто изъ насъ, женъ офицеровъ не могъ плакать. Отрывался кусокъ сердца, но вѣдь звала Родина! Тебѣ, Россія! Нѣтъ, слезъ не было.

Ужасно пустъ и холоденъ былъ вокзалъ. Вотъ повели грузить красавицу Ганю и моего любимца Вестъ-Винда, сирѣчь Василія Ивановича. Онъ шалилъ, тянулся мягкими губами къ рукѣ, облизалъ мнѣ рукавъ.

— Вотъ ты всегда такъ, баловникъ, любовно укорялъ его нашъ вѣстовой, Большаковъ. Зачѣмъ барыню то замазалъ?

И сталъ заботливо обтирать рукавъ. Ко мнѣ подошелъ графъ Ниродъ.

— А развѣ Вы не боитесь этихъ большихъ животныхъ? — шутливо спросилъ онъ.

Я прощалась съ ними, какъ съ людьми. Бѣдныя лошади, для нихъ то война дѣйствительно не знаетъ пощады!

Казалось будутъ грузиться долго-долго и когда поѣздъ, вздрогнувъ, поплылъ мимо насъ, не хотѣлось вѣрить, что это случилось, что могло случиться такое! Вотъ мелькнуло восторженное лицо мужа. Онъ мыслями уже въ бою: — У насъ нѣтъ женъ, нѣтъ семій, кричитъ онъ кому то изъ товарищей. У насъ одна — Родина!

Два красныхъ огонька, точно двѣ капли крови... Все меньше... Исчезаютъ вдали... Уѣхали!

На слѣдующій день, въ поѣздѣ телефонная барышня сообщила что сообщеніе съ Берлиномъ и Вѣной прервано. Неизбѣжное совершилось. Но мнѣ не долго пришлось пробыть въ одиночествѣ, пріѣхала тетка мужа и увезла съ собой въ Петербургъ.

— Тебѣ слишкомъ тяжело будетъ одной, — сказала старушка.

Сынъ лечился въ это время въ Евпаторіи. Я съ благодарностью согласилась. 31-го іюля, рано-раненько на квартирѣ тетушки Е. Д. Камышанской появилась моя Маша, столпъ и управительница нашего дома, оставленная мною при дачѣ. Горничная доложила кузинѣ Линѣ, что «на кухнѣ сидятъ Марья Петровна и плачутъ». У Лины екнуло сердце, она бросилась туда. Оказывается, что получены были три телеграммы съ извѣстіемъ о раненіи мужа. Маша телеграммы до меня не допустила, прочла и теперь разливалась.

— Что Вы, что Вы, Маша, надо Бога благодарить, а не плакать. Вѣдь не опасно раненъ, утѣша-

етъ Лина, а у самой голосъ срывается. Она дрожитъ при мысли:

— Какъ сказать объ этомъ женѣ и сестрѣ?

Въ забывчивости чувствъ, Лина пьетъ прямо изъ крана невскую воду, забывъ свой страхъ передъ вибріонами, зажимаетъ телеграммы въ кулакъ и рѣшаетъ начать съ болѣе легкаго: «приготовить» сначала сестру Бориса.

Влетаетъ къ ней въ спальню:

— Надя, Надя, радуйся, благодари Бога, Боря легко раненъ!

— Ахъ!.. и Наденька падаетъ въ обморокъ, нервы у ней институтскіе...

Лина приводитъ ее въ чувство, утѣшаетъ, затѣмъ опять глотаетъ вибріоны и мчится ко мнѣ:

— Лиля, Лиля, благодари Бога.

Однимъ скачкомъ я у телефона, не успѣвъ даже толкомъ прочесть телеграммы.

— Голубчикъ, куда ты, успокойся, — лепечетъ Лина въ трепетѣ. Ей кажется, что я помѣшалась. Долго ли?

— Пусти, Линокъ, хочу позвонить Эрдели, чтобы онъ далъ мнѣ пропускъ. Пропускъ, ѣхать, немедленно, я должна быть тамъ!

Придя немножко въ себя, читаю телеграммы. Первая отъ графа Нирода: «Вашъ мужъ легко раненъ. Держалъ себя героемъ».

Вторая отъ Горбатовскаго:

«Борисъ легко раненъ».

Третья отъ деньщика Яковлева:

«Баринъ раненъ ногу».

Совершенно успокоенная я начинаю дѣйствительно радоваться. Вотъ поѣду и привезу его домой и онъ будетъ лечиться долго, долго!

(Увы эта часть программы не удалась, онъ вернулся въ полкъ 1-го октября).

Я думаю, что это чувство испытывали всѣ родные раненыхъ. Что же, вѣдь они кровью купили это право временнаго спокойствія.

Генералъ Эрдели просилъ самой пріѣхать за пропускомъ.

Пропускъ мною полученъ, но уѣхать не такъ то легко, поѣзда переполнены и на дебаркадерѣ творится что то невообразимое. Къ счастью, моимъ тѣлохранителемъ вызывается быть поручикъ А. Н. Кондрашовъ, который ѣдетъ догонять полкъ.

Ну и дѣйствительно! Нужна была вся сила Кондрашова, чтобы втиснуть меня въ вагонъ. Чемоданъ кое какъ подали въ окно. Стою въ коридорѣ, сѣсть и думать нечего. Неужели такъ до Вильно?

Исчезнувшій было мой спутникъ появляется и манитъ меня къ двери купэ перваго класса. Протискиваюсь. Боже правый! Тамъ всего одинъ офицеръ! Представляется.

— Но я вамъ, господа, навѣрно буду мѣшать?

— Нисколько, — невозмутимо отвѣчаетъ Кондрашовъ. — Рядомъ пустое купэ и мы васъ тамъ устроимъ. Только ходить вамъ придется черезъ насъ, а то мигомъ займутъ. Располагайтесь, Елизавета Николаевна!

Но меня начинаетъ укорять совѣсть. Какъ же это? Одна въ купэ, въ то время, какъ въ коридорѣ люди стоятъ...

— Нѣтъ, не могу, говорю. Пойдите, господа, отыщите мнѣ даму. Выберете посимпатичнѣе и пригласите сюда.

Даму привели. Она шла недовѣрчиво озираясь

но увидѣвъ меня, просіяла, разсыпалась въ благодарностяхъ и сейчасъ же перебралась къ намъ.

Помню ее хорошо: спокойная, бѣлокурая, мягкая, она намъ всѣмъ очень понравилась. Ѣхала въ Ковно къ мужу, инженеру.

Черезъ часъ-другой, всѣ четверо были уже друзьями. Наши кавалеры забрались къ намъ и мы угощали ихъ провизіей, которой запаслись.

Настало время изліяній. Держа въ рукѣ крылышко цыпленка, Кондрашовъ орошалъ его слезами раскаянія:

— У меня такая, милая, милая жена, а я часто съ ней ссорился!

Бѣлокурая дама утѣшала.

— Я рожденъ слишкомъ поздно! Мнѣ бы жить въ средніе вѣка, я вѣдь настоящій кондотьеръ, — говорилъ мнѣ офицеръ, свирѣпо вращая — увы — блѣдно-голубые скажу даже — бѣлесые глаза. Онъ сидѣлъ верхомъ на моемъ чемоданѣ и отъ цыпленка отказался. Вся жизнь его, видите ли, была отмѣчена таинственными и роковыми знаменьями.

— Мнѣ одна гадалка предсказала, что имена моихъ женъ будутъ начинаться на букву Е... Что же вы думаете? Первая — Елизавета Ивановна. Вторая — Елизавета Вильгельмовна. Я развелся, потому что встрѣтилъ «ее»... Евгенья Александровна... Евгенія... неправда ли, какая музыка?

— Мнѣ Елизавета тоже нравится, — сухо замѣтила я.

— Ну, что тамъ! Слушайте дальше! Я весь отдался въ ея руки. Говорю: дѣлай со мною, что пожелаешь! Она — очарованіе, красавица... Вы, конечно, замѣтили ее у вагона?

Мы обѣ виновато переглядываемся.

— Нѣтъ, то-есть да... въ желтой шляпкѣ, неправда ли?

— Въ желтой, — онъ горько усмѣхнулся, — нѣтъ, о, нѣтъ, она не въ желтой!

Закуска съѣдена. Наши спутники свои души излили. Тутъ бѣлокурая дама даетъ новое направленіе разговору. Ея жизнь, до сей поры, текла спокойно, она страшилась бурныхъ переживаній. Любовь? Неужели, скажите, это такъ упоительно? Дружный хоръ. Кондрашовъ и кондотьеръ брыжжутъ краснорѣчіемъ, живописуя адскія страсти. Я лью масло на огонь говоря о «кармическихъ встрѣчахъ» и цитируя Крыжановскую. Долго не спимъ, захваченные разговоромъ, наконецъ угомонились, а на утро уже Вильно!

Я остаюсь одна и буду ждать прибытія эшелона съ ранеными. Такъ мнѣ совѣтуютъ всѣ, кого бы я ни спросила. Впрочемъ, навѣрно никто, ничего не знаетъ. Кто то вѣдь однако же знать долженъ? Красный Крестъ, конечно. Отправляюсь на поиски его. Нахожу — закрытъ. Говорятъ, что «еще не развернулся». А впрочемъ, завѣдующій въ настоящее время завтракаетъ въ Георгіевской гостиницѣ. Я остановилась какъ разъ тамъ же и вспоминаю, что и мнѣ недурно бы позавтракать. Справляюсь у швейцара: генералъ дѣйствительно тутъ и съ нимъ чиновникъ.

— Попросите ко мнѣ чиновника.

Чиновникъ приходитъ въ холль. Это очень милый молодой человѣкъ. Объ раненыхъ ничего не знаетъ. Когда прибудутъ, куда прибудутъ — для него загадка. Сочувствуетъ. Внезапно появляется генералъ, съ салфеткой въ петлицѣ. Холль наполняется раскатами его голоса:

— Неужели нельзя даже позавтраакть спокойно?

Происходитъ короткій обмѣнъ мнѣній. Я скромно полагаю, что на 3-ью недѣлю войны пора бы развернуться! Генералу вѣроятно приходитъ въ голову, что кромѣ меня кое-кто въ Петербургѣ можетъ тоже найти это страннымъ и онъ поспѣшно ретируется.

Все же я ничего не узнала. Рѣшаю обратиться къ первоисточнику и ѣду отыскивать штабъ командующаго арміей. Дохожу до самого Ренненкампфа.

Генералъ сочувствуетъ, но тоже не знаетъ, какъ и гдѣ мнѣ искать моего раненаго мужа. Впрочемъ, обѣщаетъ справиться, зоветъ дежурнаго офицера и отдаетъ приказаніе. Но мнѣ кажется, что изъ этого все-таки ничего не выйдетъ и что самое вѣрное въ концѣ концовъ — это дежурить на вокзалѣ. Свожу дружбу съ комендантомъ, онъ тоже сочувствуетъ. Дѣло идетъ къ вечеру. Я бѣгаю вдоль всякаго прибывающаго поѣзда и справляюсь:

— Есть раненые изъ Ковно?

Вдругъ ко мнѣ подходитъ комендантъ.

— Хотите въ Ковно? Сейчасъ отправляю туда эшелонъ и говорилъ объ васъ съ начальникомъ. Онъ согласенъ васъ взять. Я звонилъ въ Ковно, раненые тамъ.

Я горячо благодарю, прошу протелефонировать въ гостинницу, чтобы заперли номеръ и вотъ я уже въ поѣздѣ!

Теперь, послѣ всѣхъ эвакуацій никого, ничѣмъ не удивишь, но въ то время очутиться одной, среди чужихъ... Чувствовала себя вродѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. И къ тому же багажа со мной —

сумочка, а въ ней пудрешка и носовой платокъ. Къ счастью пропускъ и деньги были при мнѣ. Поѣхали. Впопыхахъ я и не взглянула на своихъ спутниковъ. Это были офицеры пѣхотнаго полка изъ Смоленска. Сѣла я въ уголокъ. Молчу. Вдругъ изъ сосѣдняго отдѣленія появляется взъерошенная голова.

Капитанъ и... сильно на веселѣ.

— Женщина, — восклицаетъ онъ съ радостнымъ изумленіемъ. — О, женщины, какъ онѣ украшаютъ нашу жизнь!

Я начинаю быстро соображать: а что, можно спрыгнуть съ поѣзда или лучше закричать?

Уныло сознаю, что и такъ и этакъ рискую въ Ковно не попасть.

Впрочемъ, мой страхъ оказывается напраснымъ. Капитанъ черезъ минуту изъ восторженнаго переходитъ въ подавленное настроеніе и жалуется со слезами, что его теща обидѣла.

— Пирожковъ на дорогу не дала. Пожалѣла... Это защитнику то!

Наконецъ, видя, что мнѣ очень не по себѣ, товарищи отвлекаютъ вниманіе капитана, а я подсаживаюсь къ сѣденькому, сухенькому капитану и завожу съ нимъ разговоръ. Онъ остался мнѣ очень памятнымъ.

Человѣкъ онъ былъ повидимому спокойный, разсудительный, зналъ много житейскихъ истинъ, вродѣ того, что: «плетью обуха не перешибешь и съ судьбой не поспоришь». Изъ его разсказовъ передо мною встала картина жизни пѣхотнаго армейскаго полка, вотъ этихъ самыхъ людей въ эшелонѣ воинскаго поѣзда, который съ каждымъ оборотомъ колесъ приближалъ ихъ къ почти вѣрной

смерти. Что дало имъ общество, въ защиту котораго они готовились отдать самое драгоцѣнное, что у нихъ было — жизнь?

— На жалованіе наше жить невозможно, — спокойно и просто разсказывалъ мой собесѣдникъ. Всѣ офицеры чѣмъ нибудь занимаются на сторонѣ. Вотъ этотъ — держитъ кинематографъ. Кинематографъ открылъ не на свое имя. Я — барышничаю лошадьми.

Вспомнились мнѣ въ тотъ мигъ статьи Меньшикова въ Новомъ Времени, который доказывалъ, что не нужно прибавлять содержаніе офицерамъ, иначе-де они будутъ служить не идейно, а за презрѣнный металлъ. Выходило, что то вродѣ того, что не нужно кошекъ сытно кормить, иначе мышей ловить не будутъ! Слушая теперь этихъ людей, становилось мнѣ больно и стыдно.

Понемногу, въ нашъ уголъ стали подсаживаться. Кому то пришло въ голову, что меня непремѣнно нужно поить чаемъ... Когда доѣхали до станціи Ковно, мы всѣ были уже друзьями. Прощаясь и благодаря, я спрашивала, какъ имъ писать?

Старичокъ капитанъ усмѣхнулся и мягко сказалъ:

— Зачѣмъ вамъ? Все равно не напишете. У васъ своя жизнь, мы вамъ не интересны.

И такъ спокойно сказалъ!

Вотъ я и на вокзалѣ Ковно. Полночь. Въ городъ ѣхать нельзя — осадное положеніе или что то въ этомъ родѣ, какъ я поняла изъ словъ буфетчицы, дремавшей за своей стойкой: нельзя ѣхать, надо ждать утра. Тутъ имѣется дамская комната и она готова дать мнѣ свою ватную кофту, покрытую салфеткой въ видѣ подушки.

Господа, господа, вѣдь это происходило до эвакуацій и революцій. Поймите, что мое положеніе показалось мнѣ ужаснымъ и что я переживала подобное въ первый разъ въ своей жизни.

Тускло горѣлъ газовый рожокъ, воздухъ былъ скверный, деревянный диванъ и ватная кофта къ отдыху не манили... Я вернулась въ буфетъ.

Тамъ у столика кончалъ ужинъ артиллерійскій поручикъ. Въ моей головѣ моментально возникъ планъ. Я достала свой пропускъ и подойдя къ офицеру, разсказала въ какомъ положеніи очутилась.

— Васъ, какъ здѣшняго жителя, вѣроятно знаютъ въ гостинницѣ. Не могли ли бы вы переговорить по телефону съ хозяиномъ. Можетъ онъ согласится пріютить меня на ночь?

Поручикъ оказался сама предупредительность. Пока я ѣла поданную мнѣ осетрину, онъ тоже что то спросилъ себѣ. Кончивъ ѣду, во время которой я терпѣливо отвѣчала на его разспросы: «какъ у васъ тамъ въ Петербургѣ», рѣшилась напомнить ему его обѣщаніе.

— Можетъ быть, вы переговорите съ хозяиномъ Бель-Вю? Становится поздно...

— Къ чему? Я самъ поѣду съ вами.

Конечно, это было очень любезно, но мнѣ почему то стало не по себѣ.

— Зачѣмъ? Совершенно не стоитъ безпокоиться. Если хозяинъ согласенъ меня принять, я отлично одна доѣду, увѣряю васъ.

— О, нѣтъ, — патетически возразилъ мой собесѣдникъ, — я ѣду съ вами и буду охранять вашъ сонъ.

Вотъ тебѣ и устроилось!

— Благодарю васъ, но я передумала и останусь въ дамской комнатѣ.

Опять тяжелый воздухъ и тускло горящій рожокъ. Диванъ прежесткій. Уныло рѣшаю: нѣтъ, здѣсь не заснуть!

Сижу и браню поручика:

Вѣдь вотъ идіотъ! Развѣ я ему не показала мои бумаги? Видитъ же съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Вдругъ меня осѣнило: откуда ему знать? Онъ вѣроятно столицы и не нюхалъ, и судитъ объ обществѣ по романамъ вродѣ «Тайны петербургскаго двора» или «Великосвѣтскія интриги». Ну и конечно, сразу рѣшилъ: «знаемъ мы этихъ контессъ-дюшессъ, всѣ онѣ искательницы приключеній, любительницы сильныхъ ощущеній! Мужъ? Раненый? Нѣтъ-съ, голубушка, меня не проведешь!

И мнѣ такъ ясно представляется, какъ это складывалось въ головѣ злополучнаго поручика, что я начинаю неудержимо хохотать.

Все же... 2 часа утра. Спать — немыслимо. Изъ буфета вновь раздается звонъ шпоръ. Развѣ попробовать еще разъ? Чѣмъ я рискую? Ну, вернусь опять въ дамскую... Выхожу. Передо мною уполномоченный Земскаго Союза. Подходитъ ко мнѣ:

— Не имѣлъ раньше чести быть представленнымъ... Петергофъ... знакомъ съ супругомъ...

Господи, вотъ счастье то!

Узнаю, что Борисъ въ Георгіевскомъ госпиталѣ и сейчасъ меня туда доставитъ автомобиль.

Въ госпиталѣ сонная тишина. Дежурятъ двѣ хорошенькія сестры въ бѣлыхъ повязкахъ въ видѣ кокошниковъ. Меня принимаютъ какъ неожиданное развлеченіе, ведутъ въ палату, гдѣ занятъ пока одинъ рядъ бѣлыхъ коекъ.

— Онъ спитъ? Жаръ есть?

— Сегодня нѣтъ. Разбудить?

— Нѣтъ, сестра, жалко... Но она уже наклоняется.

— Господинъ поручикъ, вы спите?

— Это ты пріѣхала, — вдругъ говоритъ мужъ, не открывая глазъ. Это ему очевидно снится. На этотъ разъ сонъ сталъ явью.

Наши голоса будятъ сосѣда — Ельшина II. Онъ приподнимается и начинаетъ благодарить меня за то, что я пріѣхала.

Я сознаю, что благодарности его не заслужила, но понимаю, что я для него въ настоящую минуту кусочекъ родины, милаго Петергофа.

— Больные должны спать!

Меня уводятъ, поятъ чаемъ, раздѣваютъ, облекаютъ въ больничный халатъ, укладываютъ. Мнѣ сдается, что прелестныя, молоденькія сестры рады поиграть въ куклы... Ахъ, какой счастливой я себя чувствовала!

На утро поднимаются разговоры объ отъѣздѣ. Кромѣ Бориса и Ельшина, съ нами просятся Кушелевъ, Лейбъ-Гусаръ и Кавалергардъ Воеводскій II, оба они легко ранены въ ногу.

Навѣдываюсь на вокзалъ. Тамъ уже стоитъ санитарный поѣздъ. Гружу «моихъ» раненыхъ, затѣмъ отправляюсь на поиски врача, который завѣдуетъ эшелономъ. Это совсѣмъ молодой врачъ, нѣмецъ или латышъ.

Мнѣ его физіономія показалась весьма непріятной — можетъ она и въ самомъ дѣлѣ была таковой.

— Я везу раненыхъ въ Двинскъ, — заявилъ онъ, — а затѣмъ имѣю распоряженіе двинуться на Казань.

— Да поѣзжайте съ Богомъ куда хотите, докторъ. Мы то желаемъ остановиться въ Вильно.

— Это невозможно. Я имѣю распоряженіе двинуться на Двинскъ и повезу раненыхъ туда.

— Развѣ въ Вильно поѣздъ не останавливается?

— Останавливается на три часа. Но я имѣю распоряженіе...

Бѣгу на вокзалъ къ коменданту. Какъ правило, всѣ коменданты очаровательные люди. Такая уже порода! И этотъ милый человѣкъ сейчасъ же вызвался позвонить въ Вильно, чтобы заказать носилки къ прибытію поѣзда.

— Да вы лучше все это объясните сами, — говоритъ онъ мнѣ, передавая трубку.

— А что, господинъ полковникъ, поѣздъ мой не можетъ уйти, пока я тутъ разговариваю?

— Поѣздъ? Безъ моего разрѣшенія? Да помилуйте!

Все же я кошусь на окно съ какимъ то безпокойствомъ.

Вдругъ я замѣчаю, что вагоны, какъ будто, пришли въ движеніе.

— Полковникъ! Поѣздъ уходитъ!

— Да не можетъ быть!

Но я уже на перонѣ. Вагоны мелькаютъ все скорѣе... Уходитъ, уходитъ! Мчусь. Сзади звенитъ крикъ:

— Что вы дѣлаете? Упадете! Стойте, стойте!

Куда тутъ! Страхъ придаетъ мнѣ крылья. На самомъ кончикѣ платформы успѣваю вцѣпиться въ ручки послѣдняго вагона и повиснуть. Приподымаюсь на ступеньки. Вскарабкалась... Теперь все хорошо. Оборачиваюсь: платформа уходитъ все даль-

ше, а на ней, разставивъ руки, обращенный въ соляной столбъ, стоитъ комендантъ.

Кстати, появившійся кондукторъ снялъ меня съ подножки, открывъ дверцы вагона и довелъ до нашего отдѣленія, гдѣ я была встрѣчена общимъ ликованіемъ — боялись, что я осталась въ Ковно.

Заглянулъ къ намъ мой врагъ-докторъ.

— Господинъ докторъ, мы сходимъ въ Вильно.

— Я не дамъ вамъ санитаровъ.

— Какъ угодно, со мной нашъ деньщикъ, я сама вынесу.

— Носилокъ тоже не дамъ.

— И не нужно, понесемъ на рукахъ и сложимъ на землю. Ничего, теперь тепло.

Посмотрѣлъ на меня съ ненавистью и ушелъ.

Вотъ и Вильно! Бросаюсь къ окну.

— Господа, носилки ждутъ!

— Ура, ура, ура!

Дозвонился таки мой другъ-комендантъ и все устроилъ.

Выскакиваю, подбѣгаю къ санитарамъ — они и два автомобиля привезли.

Но Красный Крестъ еще не развернулся, насъ поэтому беретъ желѣзнодорожный госпиталь. Ну, дай имъ Богъ здоровья!

Въ первый автомобиль кладутъ Кушелева и Воеводскаго. Откуда то взявшіяся три бабы начинаютъ выть:

— Голубчики наши! Такіе молоденькіе и пострадать должны.

Русскія бабы, хорошія. Разливаются, плачутъ.

— Je leur parais donc si jeune! C'est flatteur, — говоритъ Кушелевъ.

Во второй автомобиль кладутъ мужа, затѣмъ

садимся мы съ Ельшинымъ, который раненъ въ шею, лежать ему не надо.

Трогаемся. Машины плавно покатились. Замѣчаю — у Яши Ельшина видъ мечтательный.

— Хорошо, — говоритъ онъ, — ахъ, какъ хорошо!.. Есть тутъ такая кофейня — Штраля... Борисъ Ивановичъ, помнишь Штраля? Булочки, булочки у него какія!

— Не искушай, Яковъ Александровичъ.

— Послушайте, Елизавета Николаевна, нельзя ли это какъ нибудь устроить? Ей Богу, страшно ѣсть хочется.

— Да, пожалуй... Какъ скажешь, Борисъ? Не усталъ?

Я наклоняюсь къ шофферу, что то синенькое мелькаетъ изъ руки въ руку.

— Что же, — разсуждаетъ шофферъ, — это очень даже просто — у всякой машины можетъ радіаторъ испортиться. Вамъ, барыня, полъ часа довольно, чтобы покушать?

И мы потихоньку начинаемъ отставать отъ передняго автомобиля. Моментъ, и юркнувъ въ сторону, прибавили ходу. У подъѣзда кафе, Ельшинъ соскакиваетъ и отыскавъ между столиками сидящаго тамъ генерала, проситъ у него разрѣшенія внести раненаго.

Генералъ, а за нимъ вся публика, спѣшитъ къ автомобилю и вотъ мы уже за столикомъ, Борисъ полулежитъ на нѣсколькихъ стульяхъ и всѣ трое мы уплетаемъ дѣйствительно волшебныя булочки, ветчину, кофе, пирожныя... За зеленымъ трельяжемъ постепенно собирается толпа, почтительно изумляющаяся нашему аппетиту. Когда настаетъ мину-

та нести Бориса въ автомобиль, его подхватываетъ десятокъ рукъ.

— Ура, наша славная армія!

Гмъ! Кто то говорилъ мнѣ объ шовинизмѣ поляковъ, кажется? Не наблюдала... Темнѣетъ. Мы подкатываемъ наконецъ къ перрону желѣзно-дорожнаго госпиталя. Въ дверяхъ весь врачебный персоналъ, насъ поджидающій. Волненіе...

— Машина испортилась, — объясняетъ невозмутимый шофферъ.

Высокій, осанистый докторъ съ великолѣпной рыжей бородой, съ чисто материнской лаской наклоняется къ Борису.

— Проголодались, вѣрно? У насъ, къ сожалѣнію, отъ обѣда ничего не осталось, но мы васъ кашкой покормимъ, кашкой...

Борина блѣдность еще ярче выступаетъ на фонѣ рыжей бороды.

Онъ смыкаетъ глаза и умирающимъ тономъ отвѣчаетъ:

— Благодарю васъ, господинъ докторъ, но я ничего не могу ѣсть — дорога меня слишкомъ утомила.

Утомленнымъ чувствуетъ себя и Яша Ельшинъ.

На слѣдующее утро я отправляюсь къ Кушелеву и Воеводскому, которые лежатъ въ комнатѣ рядомъ. Около нихъ возсѣдаютъ двѣ сестры милосердія, которыя усердно развлекаютъ ихъ разговоромъ.

— Знаю, — говорю я, — вы вчера были паймальчики, примѣрные мальчики, кашку кушали. А мы — булочки у Штраля..

— Ахъ, разбойники, — съ завистью восклицаетъ Кушелевъ.

Обѣщаю и имъ достать булочекъ. Правду сказать, кормятъ здѣсь неважно.

Однако, положеніе наше не изъ важныхъ! До Вильно, мы, правда, доѣхали, избѣжавъ перспективу попасть вмѣсто Петербурга въ Казань, но дальше насъ не пускаютъ. Не исключена, видите-ли возможность нападенія непріятельской эскадры.

Проходитъ день, проходитъ два, проходитъ три... Какъ быть? Рѣшаемся отправить телеграмму, куда надо, прося довести до свѣдѣнія Августѣйшаго Шефа о нашемъ отчаянномъ положеніи.

Ея Высочество приходитъ въ ужасъ:

— Mes dragons, dans le железнодорожный госпиталь. c'est affreux!

Ей кажется, что намъ должно быть тамъ очень плохо.

Въ Ставку летятъ депеши, нѣсколько. Великая Княгиня торопитъ... Резолюція Верховнаго Главнокомандующаго, какъ мнѣ потомъ передавали, гласила:

«Вернуть Тетушкѣ ея драгунъ немедленно».

Добрая Фея махнула своей волшебной палочкой и картина моментально измѣнилась. То самое санитарное начальство, которое встрѣчало меня съ каменнымъ лицомъ, отыгрываясь на бомбардировкѣ Петрограда, теперь прибыло къ намъ въ госпиталь въ полномъ составѣ. Градусъ ихъ предупредительности показалъ мнѣ, что дѣло не обошлось безъ колдовства Доброй Феи.

— У васъ такое высокое покровительство, — почтительно ужасался докторъ. — Изъ Петербурга за вами присланъ вагонъ, приказано отправить съ вами фельдшера.

— Зачѣмъ это? Я сестра милосердія и если какая нибудь перевязка сползетъ, съумѣю поправить.

— Охъ, знаю, и самому мнѣ фельдшеръ до зарѣзу нуженъ, но — приказъ категорическій, долженъ сопровождать.

Само собой, Кушелевъ и Воеводскій, раздѣляли нашу участь. Я заявила, что «мы всѣ вмѣстѣ», сознавая, что мнѣ отказа ни въ чемъ не будетъ. Къ первому изъ нихъ пріѣхала изъ Петербурга мать, всѣ мы весело размѣстились въ отведенномъ для насъ вагонѣ.

На Варшавскомъ вокзалѣ о нашемъ пріѣздѣ стало извѣстно за три часа до прихода поѣзда. Прибыли носилки и санитарный автомобиль. Откуда то нахлынула публика и — какъ они ухитрились — появились репортеры. Бориса вынесли первымъ, онъ былъ первый раненый, вступившій на землю Петрограда въ Великую войну.

Длинные ряды шпалерами стоящихъ людей, при видѣ его колыхнулись, точно эта толпа дрогнула сердцемъ, но тишина стояла мертвая, задерживали дыханіе... Вдругъ раздался старческій, срывающійся отъ слезъ голосъ отставного генерала, стоящаго впереди всѣхъ:

— Господа, шапки долой передъ нашими ранеными!

Послышались женскія рыданія и дождь цвѣтовъ посыпался на носилки.

У меня хранится снимокъ изъ «Огонька». Роскошныя розы застилаютъ грубое сукно походной шинели...

Помнится, съ какимъ веселымъ смѣхомъ мы

читали газетныя статьи, которыхъ я набрала цѣлый ворохъ. Смѣялись, а вѣдь немножко и пріятно было.

Репортеръ расписывалъ появленіе Бориса такъ:

«Милое, блѣдное, молодое лицо. Улыбается. Онъ улыбается, а у всѣхъ на глазахъ слезы.

Воеводскій былъ названъ «юнымъ красавцемъ», а на Кушелева просто красокъ не хватило, столь прекрасенъ.

Мы его потомъ этимъ дразнили...

Раненыхъ перевезли въ Благовѣщенскій госпиталь, гдѣ на слѣдующій день они удостоились Высочайшихъ посѣщеній.

Мнѣ посчастливилось быть въ госпиталѣ, когда прибыла наша Добрая Волшебница, Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня Марія Павловна, нынѣ въ Бозѣ почивающая.

Ее сопровождала В. К. Викторія Ѳеодоровна.

Увидавъ ихъ, мужъ сколько могъ, приподнялся на постели. Былъ онъ отъ огромной потери крови бѣлъ, какъ бумага, какъ говорится: «съ интересною блѣдностью», и оттого выглядѣлъ весьма картинно. Вижу подходитъ къ нему Великая Княгиня, качаетъ головой и шутя, чтобы скрыть свое волненіе, грозитъ пальцемъ.

А по доброму, доброму лицу, свѣтлыя слезы жемчугомъ катятся...

Вообще, нашихъ раненыхъ баловали ужасно, и главный врачъ восклицалъ, какъ Калхасъ: «trop de fleurs», да и кромѣ того «trop de bonbons и «trop de visiteurs», распорядился все это сократить.

Впрочемъ, раненые уже начинали выписываться.

Да, хорошее было время, славно жилось! Нѣкоторые товарищи по полку такъ и говорили:

— Ловкачъ, этотъ Коносевичъ, съумѣлъ быть во время раненъ. Теперь, хоть голову вамъ оторвутъ и то никакого впечатлѣнія. Повезло, повезло человѣку!

Я думала то же самое...

Е. К.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О Е. И. В. ВЕЛ. КНЯЗѢ НИКОЛАѢ НИКОЛАЕВИЧѢ, КАКЪ О КАВАЛЕРІЙСКОМЪ НАЧАЛЬНИКѢ

Въ 1894 г. я имѣлъ счастье быть произведеннымъ корнетомъ въ Л.-Гв. Драгунскій полкъ. Вел. Кн. Н. Н., тогда еще командовалъ 2-й Гв. Кав. Дивизіей въ составъ которой входилъ Л.-Гв. Др. п. Еще юнкерами младшихъ и старшихъ курсовъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, мы постоянно наблюдали за ученіями дивизій на военномъ полѣ въ Красномъ Селѣ. Послѣ нашего эскадроннаго ученія, мы съ завистью слѣдили за движеніями 4-хъ полковъ, т. е. 24 эскадр. и уже тогда мы ясно видѣли, разницу въ ученіяхъ 1-й и 2-й дивизій. Короткіе аллюры, строго-уставныя перестроенія, громкія команды и разговоры во все время ученія, которое продолжалось дольше 2-хъ часовъ — это ученіе 1-й дивизіи. Широкіе аллюры, почти всѣ перестроенія на полевомъ галопѣ, при чемъ команды совершенно не слышно — все исполняется по знакамъ, частое спѣшиваніе, посадка и опять полевой галопъ, ученіе рѣдко дольше 1 часу — это ученіе 2-й дивизіи.

Вел. Кн. смотрѣлъ на свою работу съ дивизіей, какъ на пробный шаръ. Онъ съ твердой волей шелъ противъ рутины, противъ манежно - парад-

ныхъ традицій кавалеріи. Много враговъ было у Вел. Кн.: за его спиной шипѣли о порчѣ конскаго состава, о калеченіи людей... предсказывали гибель дивизіи. Но мы, офицеры 2-й Гвардейской Кавалерійской Дивизіи, мы такъ сказать **матеріалъ,** надъ которымъ работалъ Вел. Кн., мы были другого мнѣнія. Мы ясно убѣждались на дѣлѣ, въ основательности его требованій, мы понимали, что занятія онъ ведетъ по возможности ближе къ современнымъ требованіямъ военнаго времени.

Вспоминаю себя взводнымъ командиромъ — передъ фронтомъ 4-го эскадрона Лейбъ Драгунскаго полка, когда Вел. Кн. еще командовалъ дивизіей и позднѣе, когда онъ уже въ роли Инспектора кавалеріи, по нашему выраженію «заворачивалъ» всей кавалеріей на военномъ полѣ.

Только что всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, была Великимъ Княземъ объяснена, **коротко и ясно** новая задача: перестроеніе, маневрированія и атака. Всѣ по мѣстамъ. Еще минута и мы несемся въ облакахъ пыли, а въ душѣ трепетъ: такъ ли мы дѣлаемъ? Туда ли скачемъ? Не прискакать бы прямо подъ арестъ? Великій Князь на ученіяхъ былъ требователенъ и строгъ; ротозѣямъ и растяпамъ доставалось. Но вотъ остановка... Проносится пыль... Слава Богу! Кажется благополучно. У Царскаго валика видна почти исполинская фигура Великаго Князя на громадномъ чаломъ гунтерѣ и за нимъ два трубача Л.-Гв. Гусарскаго полка. Слышенъ сигналъ «коноводы»: этотъ условный сигналъ означаетъ благодарность начальнику. Веселыми перекатами оглашается все военное поле.

— Рады стараться Ваше Императорское Высочество! — Великій Князь доволенъ. Сегодня 3-е

перестроеніе и всѣ удачны... По домамъ! Все ученіе около часа.

Полки расходятся, играя, изъ любезности, полковые марши полковъ своихъ сосѣдей. Пѣсенники во всѣхъ эскадронахъ вызываются впередъ и г.г. офицеры счастливые и довольные ѣдутъ въ головѣ эскадроновъ, дѣлясь впечатлѣніями дня.

Но не всегда проходили эти ученія такъ благополучно. Великій Князь былъ **горячъ** и **строгъ.** Требовалъ въ точности исполненія своихъ приказаній. Бѣда если часть сдѣлаетъ не то, или, не такъ, какъ было указано!

Стэкъ, мундштукъ въ видѣ длинной трубочки, а иногда и фуражки бросались на землю и моментально поднимались бойкими трубачами.

Бывало, прямо съ военнаго поля офицеры отправлялись подъ арестъ но... съ какимъ бы удовольствіемъ я думаю, каждый изъ насъ старыхъ кавалеристовъ получилъ бы теперь этотъ всегда справедливый разносъ...

Государь Императоръ оцѣнилъ работу Великаго Князя, результаты были на лицо. Надо было сдѣлать со всей Русской конницею тоже, что было сдѣлано со 2-й Гв. Кав. Див., и вотъ Великій Князь назначается на постъ Инспектора кавалеріи съ предоставленіемъ ему полной свободы дѣйствій. Чтобы понять, **что** сдѣлалъ Великій Князь для Русской конницы, надо бросить взглядъ въ глубь минувшихъ лѣтъ на исторію этой конницы.

Наша регулярная конница начинается собственно отъ Петра Великаго. Драгунская конница Петра Великаго внѣ какой бы то ни было критики, ибо она воспитывалась при боевой обстановкѣ и не въ характерѣ Императора были занятія па-

радами и сложными смотровыми перестроеніями. Но при преемникахъ Петра Великаго, конница теряетъ свои боевыя качества, она перенимаетъ внѣшній обликъ западной конницы, но въ обученіи далеко уходитъ отъ боевыхъ требованій и обращается въ **парадную конницу.** Смотры и парады, парады и сложныя перестроенія на платцу. Равненіе и красивая посадка. Увлеченіе манежной ѣздой. Царитъ мнѣніе, что «война портитъ конницу». Когда наступало военное время наша конница на практикѣ **переучивалась** на новый ладъ, платя за это ученіе тяжкими потерями: людьми, лошадьми и временемъ, но все же въ концѣ концовъ она достигала хорошихъ результатовъ (напр. кавалерія 12-13 годовъ). Затѣмъ возвращеніе на постоянныя квартиры и опять та же исторія. Уроки войны забыты. Опять царитъ мнѣніе, что «война портитъ кавалерію» и опять манежъ, смотры, парады, парады и смотры и то же до нашихъ дней, до появленія въ рядахъ русской конницы мужественнаго и смѣлаго человѣка, облеченнаго властью и знаніемъ дѣла и это и былъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Припомнимъ констектно, что сдѣлалъ Великій Князь для русской конницы:

1) Великій Князь заставилъ ее ходить продолжительное время широкими аллюрами. Полевой галопъ былъ введенъ въ нашъ уставъ Великимъ Княземъ. До сего времени части ходили короткимъ галопомъ и только на очень небольшихъ дистанціяхъ показывали атаку карьеромъ.

2) Великій Князь выучилъ части ходить облегченной рысью и требовалъ во всѣхъ случаяхъ полевой ѣзды ѣзду облегченной рысью.

3) Выучилъ конныя части прыгать канавы и барьеры на полевомъ галопѣ.

4) Выучилъ проходить лѣса, болота и овраги и проходить такъ называемую пересѣченную мѣстность.

Я помню эти ученія на мѣстности ранѣе считаемой непроходимой для кавалеріи и артиллеріи. Полигонъ на краю Военнаго Поля весь покрытый ямами, камнями и поросшій густымъ высокимъ ольховымъ кустарникомъ. Я самъ не разъ лежалъ въ ямѣ въ одной кучѣ съ людьми и лошадьми. Каждое ученіе были разбитые люди и лошади. Но мы сознавали, что «гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ». За то эти ученія, вырабатывали **духъ кавалериста; презрѣніе къ опасности и увѣренность въ себѣ.** Слабые духомъ офицеры не выдерживали — уходили въ запасъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ, статистика несчастныхъ случаевъ не превышала % таковыхъ въ до реформенное время. Да оно и понятно, ибо **всадникъ** былъ хорошо обученъ и былъ на хорошо выѣзженной и тренированной лошади.

5) Великій Князь совершенно искоренилъ старый взглядъ на хорошее состояніе конскаго состава. Раньше лошадь, которая хорошо держитъ тѣло (огурчикъ, какъ говорилъ нашъ вахмистръ) и была самая цѣнная лошадь Отличная же строевая и полевая лошадь, но сухая и поджарая — подъ различными предлогами выбраковывалась. Великій Князь оцѣнивалъ уходъ и кормежку лошадей не на выводкѣ въ раіонѣ расположенія частей, а по работѣ на военныхъ поляхъ и на маневрахъ. Выдерживаютъ лошади трудное ученіе, имѣютъ послѣ него бодрый видъ и хорошее дыханіе

— значитъ и содержаніе лошадей хорошее. Борьба съ этими взглядами была тяжелая и продолжительная.

6) Великій Князь значительно поднялъ качества ремонтной лошади въ кавалеріи, во-первыхъ, тѣмъ, что добился повышенія ремонтныхъ цѣнъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что все время стремился улучшить Государственное Коннозаводство, именно верховой отдѣлъ. Онъ же высоко поставилъ коннозаводство въ Задонскихъ степяхъ.

7) и наконецъ еще большое дѣло Великаго Князя это реформированіе Офицерской Кавалерійской Школы.

До этихъ поръ Офицерская Кавалерійская Школа была запущенной, забытой всѣми частью. Для офицеровъ постояннаго состава это была синекура, а для офицеровъ перемѣннаго состава эта школа давала возможность пробыть два года въ командировкѣ, пожить въ Петербургѣ, слегка занимаясь ѣздой (1-2 лошади въ день). Великій Князь рѣшилъ поднять школу и сдѣлать изъ нея **разсадникъ своихъ требованій для всей русской конницы.** Ибо то что можно было провести въ Гвардейскихъ частяхъ находящихся тутъ же на глазахъ, далеко не такъ легко провести въ Армейской кавалеріи, разбросанной по всему пространству Россіи. И вотъ Великій Князь реформируетъ школу. Онъ приглашаетъ старшимъ учителемъ ѣзды, выдающагося въ то время въ Европѣ наѣздника **Джемса Филлиса.** Учитель фехтованія выписывается изъ Италіи, нѣкто Лупи Бонора. Для занятій тактикой и стратегіей, командируются профессора изъ Военной Академіи. Не было ни одного отдѣла въ школѣ не поднятаго рукой Великаго

Князя. Въ школу шли не **желающіе** г.г. офицеры, какъ это было раньше, а туда командировались всѣ кандидаты на полученіе эскадрона. Какъ разъ въ такую реформированную школу пошелъ и я. Для офицеровъ Гвардейской Кавалеріи школа не была обязательной, т. к. съ требованіями Великаго Князя офицеры хорошо знакомились и у себя въ полкахъ, но желающіе могли итти и ужъ если ты пошелъ въ школу, то **откомандироваться** по собственному желанію не могъ. Тяжела была наша работа. На младшемъ курсѣ ѣздили и выѣзжали ежедневно 3-хъ лошадей, а на старшемъ 4-хъ. Кромѣ того, ежедневно была вольтижировка, фехтованіе, рубка, ковка и занятія гиппологіей, тактическими задачами и стратегіей. Насъ не щадили; за время моего пребыванія въ школѣ, въ перемѣнномъ составѣ было много несчастныхъ случаевъ. Офицеры постояннаго состава работали лошадей подъ руководствомъ Mr Филлиса, по его собственной системѣ.

Годъ спустя по окончаніи школы, я былъ приглашенъ въ постоянный составъ, куда и былъ прикомандированъ и прошелъ не легкое обученіе Филлиса. Черезъ 20 мин. его урока въ манежѣ и всадникъ и лошадь обливались уже потомъ.

Это были зимнія занятія, а съ выступленія въ лагеря мы занимались исключительно полевой ѣздой. Филлиса мы уже не видѣли, это не его спеціальность. Офицеры перемѣннаго состава, подъ руководствомъ постояннаго состава, готовили лошадей къ парфорснымъ охотамъ и занимались обязательнымъ спортомъ.

Великій Князь пріобрѣлъ для школы отличную стаю парфорсныхъ собакъ. Школа арендова-

ла въ Виленской губерніи близь мѣстечка Поставы замокъ и угодья Гр. Пшездецкаго. Великій Князь подарилъ школѣ партію самыхъ выносливыхъ оленей — «даніэлей» — и вотъ каждую осень, по окончаніи лагернаго сбора, на два мѣсяца, школа отправлялась на охоты. Какая польза была отъ этихъ охотъ?

Великій Князь расчиталъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ большинство командировъ эскадроновъ будутъ офицеры прошедшіе школу. Это все настоящіе техники кавалерійскаго дѣла и его союзники и сторонники по борьбѣ съ рутиной. Но, когда еще они дойдутъ до командованія полками?! И вотъ для ускоренія проведенія своихъ идей, онъ требуетъ по очереди всѣхъ шт. офицеровъ, кандидатовъ на полки, въ Поставы на парфорсныя охоты.

Это была очень серьезная мѣра. Охота сравнительно легко проходилась перемѣннымъ составомъ школы, офицерами втянутыми многими мѣсяцами въ работу, но этого нельзя сказать про шт. офицеровъ, частенько облѣнившихся, толстыхъ и не особенно часто ѣздившихъ верхомъ. Вотъ первые года этихъ охотъ и даютъ большой процентъ разбитыхъ и ушибленныхъ шт. офицеровъ.

Мы называли это «избіеніемъ толстыхъ младенцевъ».

Постепенно всѣ физически не способные перенести охоты — поуходили, или въ запасъ, или на нестроевыя должности. Дѣло было поставлено такъ: всякій кандидатъ долженъ былъ пройти опредѣленное число охотъ по искусственному слѣду и опредѣленное число по живому звѣрю. Прошелъ — получаетъ полкъ — не прошелъ — не получаетъ. Много было въ кавале-

рійскомъ мірѣ разговоровъ, толковъ, критики и осужденія по поводу этихъ охотъ, но надо сказать что, несмотря на суровость мѣры Великій Князь былъ глубоко правъ, ибо кавалерійскій начальникъ прежде всего долженъ быть **конный человѣкъ,** а потомъ уже среди этихъ конныхъ офицеровъ надо выдѣлять болѣе талантливыхъ и знающихъ военное дѣло. Охоты вырабатывали рѣшимость, увѣренность въ себѣ, показывали офицерамъ, что можно требовать отъ лошади. Средняя охота продолжалась минутъ 40-50, приходилось прыгать 15-20 препятствій, все время на широкомъ полевомъ галопѣ.

По словамъ самого Великаго Князя, онъ не успѣлъ закончить всю реорганизацію конницы, когда Государь Императоръ назначилъ его на постъ Командующаго Войсками Гвардіи и С.П.Б. Военнаго Округа. Инспекторомъ кав. былъ назначенъ Ген. Острогродскій, который продолжилъ работу Великаго Князя и самъ Великій Князь не оставлялъ своего любимаго дѣтища и всегда интересовался работой кавалеріи, но масса новыхъ заботъ и отвѣтственности не давали возможности посвятить много времени русской кавалеріи и работа уже шла далеко не тѣмъ темпомъ, какъ раньше.

Мы смѣло можемъ сказать, что **технически** наша конница стояла выше всѣхъ другихъ странъ участницъ Великой Войны. Кто можетъ похвастаться рядомъ конныхъ атакъ противъ кавалеріи, пѣхоты, замѣтьте — не разстроенной пѣхоты, противъ дѣйствующихъ батарей? Только австрійская конница принимала нашу атаку, но всегда была бита. Нѣмцы не могутъ похвастаться ни одной серьезной атакой, а если память мнѣ не измѣняетъ у

французовъ была одна только заслуживающая вниманія конная атака.

Я самъ участвовалъ въ первомъ набѣгѣ на Восточную Пруссію. Противъ насъ все время была германская конница, однако она никогда не принимала нашихъ атакъ, всегда уклонялась отъ нихъ, и спѣшиваясь задерживала наше наступленіе. На моихъ глазахъ **была атака Полковника Барона Врангеля** на нѣмецкую батарею. Атака была блестяще закончена. Осенью 15-го года я былъ переведенъ въ Тверской Драгунскій полков. штаб. оф. Я прибылъ въ полкъ на Турецкій фронтъ тотчасъ же послѣ славной конной атаки полка на два тур. табора, занимавшихъ стрѣлковые окопы. Тверцы лихо кололи пиками турокъ, не бросившихъ окоповъ и почти оба табора (это 2 батальона) были уничтожены. **Вспомнимъ атаку 2-й Казач. Сводной дивизіи** Ген. Павлова на неразстроенную пѣхоту. **Атаку Нижегородскаго Драгунскаго полка** на дѣйствующую батарею. **Атаку Л.-Гв. Гродненскаго Гусарскаго полка** Ген. Головина близъ м. Ополье на австрійскую пѣхоту и конницу.

Атаки такъ называемой «Дикой Дивизіи».

И наконецъ блестящую атаку 10-го Кавалерійской дивизіи Гр. Келлера противъ 4-й конной дивизіи австрійцевъ, близь м. Ярославицы. Тутъ части 10-й дивизіи дѣйствуютъ и въ пѣшемъ и въ конномъ строю, атакуютъ пѣхоту, конницу и артиллерію.

Изъ ряда этихъ историческихъ примѣровъ въ правдивости которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, мы должны сдѣлать выводъ, что наши кавалеристы были отлично подготовлены для боя какъ въ кон-

номъ, такъ и въ пѣшемъ строю. Что наши солдаты отлично владѣли пикой, шашкой и винтовкой.

Какъ доказательство борьбы Великаго Князя съ рутиной — это его приказы по кавалеріи. Были же у насъ все уставы и постановленія, но многіе были не жизненны и вотъ Великій Князь пишетъ свои приказы по кавалеріи. Это былъ подробный справочникъ по всѣмъ кавалерійскимъ вопросамъ. Что командный составъ проявилъ твердость воли и полонъ порывами къ конной атакѣ, что пока война не пріобрѣла характеръ окопной войны, наша конница въ техническомъ смыслѣ была на высотѣ своего положенія.

Я закончу словами Генерала П. Н. Краснова изъ его статьи «Памяти В. К. Н. Н.»:

«Наша конница въ эту войну была первою въ мірѣ. Она была единственной дерзавшей атаковать на коняхъ.

Это **слава** Русской Кавалеріи, **Лучшій вѣнокъ** на могилу ея горячо любимаго учителя».

А. Б.

ВСТУПЛЕНІЕ
КЪ «ВОСПОМИНАНІЯМЪ СТАРАГО ДРАГУНА»

Какъ трудно изложить эти воспоминанія систематически и хронологически. Гдѣ ужъ намъ бывшимъ солдатамъ и офицерамъ браться за такой трудъ. Нѣтъ, ужъ мы будемъ писать только отрывки воспоминаній изъ нашей далекой и такой красивой, красочной жизни, отрывки неизвѣстно почему рождающіеся въ нашей памяти. Много прожито и много пережито. Въ чужой сторонѣ, подъ чужимъ небомъ, окруженные чужой природой, мы иногда совершенно неожиданно вдругъ вспоминаемъ что-либо изъ далекаго прошлаго. Почему именно вотъ этотъ случай, вотъ эта встрѣча, этотъ воздухъ, эти звуки, возрождаютъ картины прошлаго? Почему въ тихій сырой лѣтній вечеръ я ясно вспоминаю Петергофскій паркъ? Почему въ безсонную весеннюю ночь чуть слышные звуки далекаго оркестра мнѣ напоминаютъ Кречевицы? И я цѣлый день потомъ роюсь въ воспоминаніяхъ. Мысли скачутъ впередъ-назадъ въ бокъ. Картины чередуются безъ всякой уловимой связи. Гдѣ ужъ тутъ систематизировать. Будемъ хватать прилетающія мысли за хвостъ и записывать ихъ въ свободныя минуты отъ работы и тяжкой заботы о завтрашнемъ днѣ.

А. Б.

МОЯ ЛЕКЦІЯ О БУРАХЪ

Итакъ, завтра экзаменъ... Мы страшно волнуемся, я и два брата, корнеты А. Они мои помощники, а я возглавляю школу подпрапорщиковъ. У меня среди учениковъ, мечтающихъ получить офицерскую кокарду и офицерскій темлякъ на шашку, есть и одинъ старый, солидный вахмистръ.

Когда я окончилъ Оф. Кавал. Школу и вернулся въ полкъ, мечтая высоко поставить выѣздку молодыхъ лошадей въ эскадронѣ, меня, вдругъ, назначили завѣдующимъ Школой Подпрапорщиковъ.

По какому то соображенію, Герцогъ Мекленбургскій, командовавшій въ то время полкомъ, рѣшилъ назначить меня.

«Онъ думаетъ, что ты, все-таки ближе къ класснымъ занятіямъ, послѣ пребыванія въ Школѣ, ну, вотъ, онъ и выбралъ тебя», сказалъ мнѣ полковникъ Егоровъ. Я въ глубинѣ души далеко не согласился съ этимъ: въ Оф. Школѣ мы очень много работали тѣмъ мѣстомъ, на которомъ сидѣли на сѣдлѣ, и весьма скромно головой. Ну, разъ приказано, значитъ, такъ тому и быть. Программа была довольно трудная для мало подготовленныхъ къ умственному труду унтеръ-офицеровъ. Грамматика, Рус. Исторія, Географія, Законовѣдѣніе, Арифметика, Уставы.

Вахмистръ С. заявилъ своему командиру эскадрона: «Я В. В. Б. не пойду въ школу, потому мнѣ невозможно, у меня мозги притираетъ, гдѣ ужъ тамъ осилить, эдаку программу». Но я его уговорилъ: «Подумай, Петръ Семеновичъ, твой новобранецъ, теперешній взводный, будетъ въ офицерской фуражкѣ ходить и ему офицеры будутъ говорить «вы». Вѣдь это же тебѣ будетъ обидно». И П. С. рѣшился. Пыхтя и обливаясь потомъ, медленно впитывалъ онъ различныя мудрости, преподносимыя ему мною и братьями А. Только на урокахъ арифметики П. С. оживалъ, угнетенное лицо оживлялось и онъ очень скоро безъ какихъ бы то ни было правилъ рѣшалъ всевозможныя задачи, чѣмъ ставилъ иногда въ тупикъ своего учителя. Но вотъ, на сегодня назначенъ экзаменъ. Мы всѣ ѣдемъ въ Красное, въ штабъ дивизіи (экзамены были во время лагернаго сбора). Экзаменуетъ комиссія подъ предсѣдательствомъ нач. дивизіи, генерала Брусилова. Довольно долго тянется время, пока очередь доходитъ до насъ.

Ген. Брусиловъ настроенъ скверно, онъ не особенно доволенъ отвѣтами. Наши сердца падаютъ. Но вотъ вызываютъ вахмистра С.

На вопросы по исторіи вах. С. отвѣтилъ вполнѣ прилично, уставъ и арифметику — отлично. Мы переглядываемся съ А. и подмигиваемъ другъ другу — все, слава Богу, благополучно. Наступаетъ очередь географіи.

«А скажи, пожалуйста, какой тамъ городъ на сѣверѣ, у Бѣлаго моря?».

«Городъ Архангельскъ, В. Пр.», бойко отвѣчаетъ С. «Такъ, а чѣмъ онъ замѣчателенъ?». «Такъ что это морской портъ, — онъ ведетъ большую

торговлю лѣсомъ, рыбой и другимъ протчимъ». «Хорошо. А какая тамъ природа, въ Архангельской губерніи?». Природа очень даже суровая, кругомъ все болота». «А какъ они называются, эти вотъ болота тамъ?». «Тундра, В. Пр.». При этомъ наши лица, мои и бр. А. расцвѣли улыбками. «Даже тундры знаетъ». «Ну, спрашиваетъ генералъ, а какое же полезное для человѣка животное тамъ водится?». Молчаніе. Вижу, какъ набухаетъ отъ напряженія мысли лицо стараго служаки. «Ну, подбадриваетъ генералъ, какое же». «Левъ, В. Пр.», выпаливаетъ, тяжело вздохнувъ вах. С. Нѣсколько мгновеній была полная тишина, а затѣмъ поднялся гомерическій хохотъ и громче всѣхъ смѣялся ген. Брусиловъ.

С. выдержалъ экзаменъ и послѣ него на экзаменѣ настроеніе было веселое и добродушное — ледъ былъ проломанъ.

Экзаменъ кончился — наши всѣ выдержали. Передъ отъѣздомъ домой, мы поймали вах. С. и поздравили подпрапорщикомъ. Я не утерпѣлъ и привязался къ нему. Я хотѣлъ понять, каковъ образъ мыслей былъ у него передъ тѣмъ, какъ онъ ляпнулъ своего льва.

«Скажите, П. С., откуда вы взяли этого льва? Вѣдь я же никогда ничего про львовъ вамъ не говорилъ. Откуда вы его взяли?».

«Такъ что, В. В. Б., когда они изволили меня спросить про животнаго, я не догадался про какого, а потомъ припомнилъ Зоологическій Садъ, гдѣ много всякихъ животныхъ, а какъ вспомнилъ про Зоологическій Садъ, то тутъ мнѣ въ голову и ударилъ этотъ левъ. Ну, я и назвалъ его, льва, то есть. Виноватъ, В. В. Б.».

Но все хорошо, что хорошо кончается, и слава Богу, П. С. С. гордо и съ честью носилъ свой мундиръ подпрапорщика.

Вспоминаю еще одинъ случай изъ моей педагогической дѣятельности въ бытность мою молодымъ офицеромъ. Когда я вышелъ въ полкъ, была бурская война. Всѣ наши симпатіи были на сторонѣ буровъ, въ офицерскомъ собраніи шумно бесѣдовали на темы объ этой войнѣ, съ громаднымъ интересомъ читались телеграммы. Пѣли пѣсенку: «Мамаша купите мнѣ пушку и барабанъ... Я поѣду къ бурамъ, буду бить англичанъ».

Я рвался «работать», но старые командиры эскадроновъ не очень то любили, если молодые офицеры слишкомъ яро брались за дѣло. Гораздо вѣрнѣе, если дѣло ведетъ самъ командиръ эскадрона съ вахмистромъ. Прежде всего боялись, что молодой офицеръ испортитъ лошадей.

Старый вахмистръ жаловался на вечернемъ докладѣ командиру эскадрона: «Корнетъ Б. гоняютъ, гоняютъ смѣну галопомъ, а опосля на бальеръ по пяти, шести разовъ, никакъ не возможно — лошади съ тѣла спадутъ».

Чтобы направить мою энергію въ безопасную сторону, моему ком. эскадр. рот. Е-ву, пришла благая мысль: «Вотъ, ты бы собралъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и разсказалъ бы имъ про бурскую войну».

Ну, я сразу же загорѣлся бурнымъ желаніемъ скорѣе сдѣлать это сообщеніе. Надо изложить его возможно яснѣе, проще и понятнѣе, надо работать, надо готовиться. И дѣйствительно, готовился очень старательно. Еще лекціи Н. К. У. не улетучились изъ моей головы. Я собралъ карты, нарисо-

валъ всевозможныя схемы, составилъ конспектъ и пр. И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, нагруженный массой пособій — я появился въ эскадронѣ. По моему глубокому убѣжденію, лекцію я прочиталъ прекрасно. На лицахъ слушателей я видѣлъ и интересъ, и вниманіе. Я былъ искренне доволенъ собой и ими. Часа полтора я гвоздилъ моихъ слушателей моей популярной и такой ясной, какъ апельсинъ лекціей. Наконецъ, кончилъ, и счастливый и довольный сталъ собирать свои пособія, думая въ то же время, какъ я эффектно прійду въ собраніе, къ ужину, вымазанный мѣломъ, и какъ ком. эскадрона будетъ доволенъ, когда я разскажу объ успѣхѣ моей лекціи. И, если бы не маленькій случай, м. б. такъ бы и было, и я навѣкъ остался бы жестоко обманутымъ самимъ собой. Но къ счастью подоспѣлъ этотъ случай. Собирая пособія, я услышалъ голоса споріившихъ на задней скамейкѣ. Одинъ изъ споривших былъ красавецъ штандартный ун.-оф. Мартыновъ.

«Въ чемъ дѣло?», спросилъ я, вспыхнувъ надеждой, что еще, пожалуй, заведемъ обмѣнъ мнѣній о прочитанной лекціи. «Ну, говори, Мартыновъ». «Да нѣтъ, В. В. Б., это мы такъ себѣ съ Михѣевымъ поспорили, онъ спрашиваетъ, какой губерніи будутъ эти самые буры, а я говорю, что они не съ губерніи, а надо полагать, сибирскіе».

Несмотря на мои молодые годы, если бы я былъ полнокровнымъ съ короткой шеей, — меня бы хватила кондрашка, настолько сильный я получилъ шокъ. Что-же. Значитъ, вся моя лекція сводится къ нулю? Увы, это было такъ. Нѣсколько торопливыхъ вопросовъ, поставленныхъ мною тремъ, четыремъ умнѣйшимъ унтеръ-офицерамъ — дока-

зали мнѣ это. Совершенно убитый, я вернулся домой, не пошелъ даже ужинать въ Собраніе. Это былъ для меня прекрасный урокъ. Я сталъ смотрѣть на солдатъ другими глазами. Я уяснилъ себѣ, что, если я что-нибудь говорю солдатамъ, то это не значитъ, что они меня понимаютъ. Позднѣе, когда я уже былъ на роли старшаго офицера, я указывалъ своимъ молодымъ товарищамъ, какъ надо учить солдатъ. Напримѣръ, молодой корнетъ кричитъ новобранцу: «Возьми, подбородокъ къ шеѣ, чего ты его выставляешъ». «А ну ка, говорю я, останавливая смѣну, спроси у этого новобранца, гдѣ у него подбородокъ».

Многіе новобранцы не знаютъ, что такое подбородокъ, не знаютъ, что такое «вѣко», знаютъ глазъ, брови, но вѣка — нѣтъ. «Не опускай носка». Подыми его». И новобранецъ задираетъ свой носъ кверху. Я былъ всегда ближе къ солдатамъ и они относились ко мнѣ съ довѣріемъ. Секретъ этого довѣрія лежитъ въ томъ, что, нельзя подходить всегда съ шуткой и нельзя кричать и ругать, а надо вести разговоръ «серьезно». Какъ съ дѣтьми, эти тоже любятъ и понимаютъ, если съ ними разговариваютъ серьезно. И вотъ какія удивительныя вещи я открылъ въ солдатскихъ понятіяхъ, годами жившихъ въ нашемъ полку.

Слышу на походѣ разговоръ за спиной: «Теперя пор. Маслянниковъ въ свое время будетъ енераломъ». Я вмѣшиваюсь въ разговоръ и узнаю слѣдующее: офицеръ прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ полку, ѣдетъ въ Генеральную Академію, гдѣ его экзаменуютъ. Если онъ выдержитъ экзаменъ на генерала, то его откомандируютъ обратно въ полкъ и онъ потомъ попадаетъ въ генералы. Если же онъ

экзаменъ не выдержалъ, его оставляютъ учиться въ Академіи еще на два года. Довольно трудно было мнѣ переубѣдить моихъ молодцовъ, что это совершенно не такъ. Или еще примѣръ: мой деньщикъ, зная мои дружескія отношенія съ поруч. О., какъ то вечеромъ, раздѣвая меня сказалъ: «Слава Богу, таперь пор. О. вышли на вакацію казначеемъ, таперь у нихъ доходы будутъ». «Какіе же доходы», спрашиваю я. «А вотъ, скажемъ съ денегъ на икону и на масло въ эскадронахъ». Оказывается, въ полку было убѣжденіе, что деньги, собранныя изъ солдатскихъ копѣекъ, «образныя деньги», будто бы, поступали къ «казначею». Вѣдь это же явная глупость, я не допускалъ мысли, чтобы солдаты не знали, что эти деньги изъ эскадрона никуда не идутъ.

А кто изъ насъ не слышалъ такой докладъ: «В. В. Б., такъ что кобыла Галка, Петрова убила». Надо спросить: «А куда?». Тогда получите отвѣтъ: «Въ лѣвую ногу, возлѣ колѣнка, его увели въ околодокъ».

А такой докладъ на маневрахъ или на войнѣ о противникѣ, котораго наблюдатель видѣлъ въ канавѣ противъ себя: «Енъ, значитъ, полѣзъ по канавѣ къ намъ, опосля остановился, оглядѣлся и обратно поползъ». Не слѣдуетъ думать, что противникъ поползъ въ другую сторону: «обратно», въ этомъ случаѣ надо понимать — «опять».

Очень интересна моя бесѣда съ вах. П. Я былъ въ отпуску, не участвовалъ на эскадронныхъ смотрахъ. Мы бесѣдовали на эту тему: «Нашъ смотръ былъ можно сказать хорошій и фамильярный, В. В. Б.». Зная витіеватость рѣчи вах. П., я осторожно спрашиваю: «А почему вамъ кажется, что смотръ

былъ фамильярный?». «А какъ же, В. В. Б., члены царской фамиліи въ экипажахъ сидѣли и глядѣли». Я долженъ былъ согласиться, что, дѣйствительно, смотръ былъ фамильярный. Тотъ же вахмистръ говорилъ мнѣ, что «прошлогодніе маневры были очень трогательные» и я опять, конфузясь своего незнанія мудрыхъ словъ, хитро сказалъ: «Ну, развѣ, ужъ такіе трогательные — просто такъ себѣ». «Да помилуйте, В. В. Б., почитай каждое утро съ бивака въ 4 ч. трогали съ мѣстъ». И я долженъ былъ согласиться, что маневры были дѣйствительно трогательные. Создавать свои слова, это вообще въ характерѣ русскаго человѣка. У насъ былъ много лѣтъ дѣлопроизводитель, чиновникъ изъ писарей. Онъ прекрасно зналъ свое дѣло и завѣдующій хозяйствомъ за его спиной стоялъ, какъ за каменной стѣной. Я, будучи еще корнетомъ, получилъ въ завѣдываніе школу солдатскихъ дѣтей и часто поэтому сталкивался съ хозяйственной частью полка. Въ Кречевицкихъ казармахъ долго висѣла вывѣска на дверяхъ школы: «Школа воспитанниковъ солдатскихъ дѣтей». Я, по молодости лѣтъ, все доказывалъ, что надо написать или: «Школа солдатскихъ дѣтей», или «Школа воспитанниковъ Л. Гв. Др. Полка». А то выходитъ, что то не то, что надо. Или въ хозяйственной части приказа было написано: «исправить котелъ для пищеваренія въ Школѣ» и т. д. Я горячо доказывалъ, что надо написать: «Котелъ для варки пищи». Но дѣлопроизводитель уничтожающе посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «А поз...позвольте (онъ заикался), вѣдь печи для **хлѣбопеченія?** А? Значитъ, котелъ для пищеваренія». И больше не сталъ со мной разговаривать.

А. Б.

КРЕЧЕВИЦКІЯ КАЗАРМЫ

(Отрывки воспоминаній стараго лейбъ-драгуна)

«Что прошло,
То стало мило...»

Старые драгуны! Вспоминаете вы Кречевицы? Помните ли строгія, суровыя казармы? Громадный нашъ манежъ между дивизіонами? Офицерскіе флигеля, вытянувшіеся во фронтъ по фасамъ «Плютца», и каланчу, гдѣ на верхушкѣ висѣлъ колоколъ и начальникъ караула каждый часъ звонилъ, дергая за веревку, свисавшую у входа на гауптвахту. А нашъ славный «холостой» домъ, населенный только холостяками. Наши дамы называли его — «сумасшедшій домъ». А помните ли вы наши очередные чаи? — «Сегодня чай у Миленькаго» (Литвинова) и, выспавшись послѣ обѣда, который у насъ былъ между двѣнадцатью и часомъ дня (ужинъ — въ восемь часовъ вечера), всѣ шли на чай. Деньщики разливали чай по стаканамъ и разносили г. г. офицерамъ, при чемъ, чай подносился строго по чинамъ. Это была деньщицкая традиція. Молодой деньщикъ иногда сбивался и растерянно смотрѣлъ въ сторону деньщицкой, откуда изъ-за приоткрытой двери виднѣлись носы

и глаза старыхъ деньщиковъ. «Псст!», слышалось оттуда и палецъ тыкалъ куда то въ воздухъ, а носы неодобрительно кивали. И вотъ вы уже протянули руку за стаканомъ, какъ вдругъ рѣзкимъ движеніемъ деньщикъ отдергиваетъ подносъ и съ виноватой миной протягиваетъ сосѣду. Оказывается, сосѣдъ — вашъ товарищъ по выпуску, но по списку стоитъ старше. Этого «чаепочитанія» деньщики держались очень строго.

Лѣтомъ мы уходили на лагерные сборы въ Красное Село, поэтому наши кречевицкія воспоминанія, это зима, весна и, отчасти, осень. Говорю — отчасти, т. к. большинство изъ офицеровъ осенью, послѣ лагернаго сбора, уѣзжали въ отпускъ.

Зима. Морозище. Глубокій снѣгъ. Вдоль аллеи, вокругъ плаца и у офицерскихъ флигелей, вырыты цѣлыя траншеи въ снѣгу. Кругомъ лѣса и поля. Охотникамъ было раздолье, а остальнымъ офицерамъ только и оставалось заниматься службой, читать и играть въ карты. Процвѣталъ у насъ и билліардъ.

Новгородъ въ 15 верстахъ. Мы его называли «Городишко» и дѣйствительно Великій Новгородъ въ наше время былъ скромный, тихій, спящій городокъ. «Новгородъ Великій тихо опочилъ», — какъ поется въ старой пѣснѣ.

Черезъ Кречевицы проходило шоссе. Оно шло отъ ст. Подберезье и на Новгородъ. Съ одной стороны къ казармамъ примыкала нѣмецкая колонія, очень близко, а съ другой, въ разстояніи около версты, дер. Котовицы, бывшее военное поселеніе. Аракчеевъ построилъ на берегу Волхова рядъ штабовъ военныхъ поселеній: наши Кречевицы, Муравьевскія, Селищенскія казармы и др. Когда-то

Гродненскій Гусарскій полкъ и Уланы Его Величества стояли тоже въ этихъ казармахъ. Стоялъ и учебный эскадронъ (офицерской школы). Потомъ всю кавалерію увели съ береговъ Волхова, а Л. Драгуны такъ и остались и уже во время моей службы насъ перевели въ Старый Петергофъ. Полкъ быстро перемѣнилъ свое лицо съ переводомъ въ Петергофъ. Онъ сталъ такимъ же, какъ и другіе полки нашей общей семьи, какъ Конно-Гренадерскій, Уланскій Ея Величества, Л.-Гусарскій. Когда же мы стояли въ Кречевицкихъ Казармахъ, на насъ былъ особый отпечатокъ. Помню фразу Великой Княгини Маріи Павловны, что «драгуны потеряютъ свою милую наивность, когда ихъ переведутъ въ Петергофъ».

Кому была эта фраза сказана... не помню, но она была подслушана и передана намъ. Мы крѣпко сбивались въ конгломератную массу и отдалиться отъ полка казалось невозможнымъ фактомъ. Сидѣли въ полку безъ конца... поэтому, производство у насъ было чрезвычайно медленно. Напримѣръ, я сидѣлъ 9 лѣтъ въ чинѣ штабсъ-ротмистра, а за это время мои товарищи по выпуску въ Гродненскомъ Гусарскомъ полку были уже полковники (кн. Аргутинскій, Устимовичъ).

Бытъ драгунъ былъ твердый, нерушимый. Мы и традицій придерживались неукоснительно. Старшіе строго слѣдили за ихъ исполненіемъ. Молодежь долго держали въ черномъ тѣлѣ. Корнеты, въ какихъ либо серьезныхъ разговорахъ или спорахъ не смѣли высказывать свое мнѣніе, а почтительно слушали и лишь шептались между собой.

На брудершафтъ съ младшими выпивали не раньше, какъ годъ спустя, послѣ выхода въ полкъ.

Какъ на особую традицію, я укажу на строгое запрещеніе, «шутя», ругаться. Никогда, никто не смѣлъ другъ друга, хотя бы въ самой нѣжной формѣ выругать, а между тѣмъ въ другихъ полкахъ сплошь да рядомъ позволяли себѣ шутя ругаться.

Я помню, почему появилась эта традиція. Мы жили слишкомъ тѣсно, слишкомъ замкнуто, какъ моряки въ дальнемъ плаваніи, и малѣйшее амикошонство могло повлечь за собой непріятныя столкновенія.

Не было отдушины для провѣтриванія. Правда, мы часто, когда были деньги, ѣздили въ Петербургъ, но все же большую часть нашей жизни проводили въ чертѣ нашихъ казармъ.

Вокругъ Кречевицъ понастроили разныхъ домишекъ. Выросла цѣлая слободка. Это все была публика, обслуживающая полкъ. Тутъ были разные мастеровые, слесаря, плотники, сапожники. Строились и вышедшіе въ отставку сверхсрочные служащіе. По дорогѣ на Котовицы были и скрытые кабачки.

Полкъ былъ богатъ, имѣлъ свои луга и каждый эскадронъ имѣлъ громадные огороды. У насъ существовало преданіе, что когда-то негласныя суммы полка доросли до такой большой цифры, что начальство рѣшило ихъ отобрать. И яко-бы ихъ взяли и на нихъ построили какія-то хозяйственныя постройки кавалергардамъ. Не знаю, правда-ли это, но мы, молодежь, вѣрили этимъ разсказамъ. Жизнь въ Кречевицахъ была дешева. Въ собраніи обѣдъ и ужинъ стоили гроши, т. к. дичи, мяса, рыбы и овощей было вволю, получали все изъ первыхъ рукъ.

Знаменитые налимы и сырти не сходили у насъ со стола.

Сырти только и были въ Волховѣ. Эту рыбу распластывали и сушили, и какая она была вкусная! И сколько водки можно было подъ нее выпить! И выпивали, и поигрывали въ карты. Играли въ винтъ, были очень серьезные и хорошіе игроки. А. А. Маціевскій, человѣкъ семейный, ходилъ часто по холостому дому и вылавливалъ игроковъ. Составитъ партію — и счастливъ, а если нѣтъ, то считаетъ день пропащимъ.

Очень талантливый карикатуристъ «баринокъ» Козловъ нарисовалъ А. А. М. въ «семейной пулькѣ», за неимѣніемъ партнеровъ: на дѣтскихъ стульяхъ два его сына и старуха нянька, всѣ съ картами въ рукахъ. Самъ А. А. сидитъ, обливаясь горючими слезами. Приходится играть въ такой компаніи!

Играли и въ азартъ, но т. к. очень денежныхъ людей не было, то не зарывались особенно. Хотя помню разъ, что компанія сидѣла что-то трое сутокъ въ одной изъ квартиръ въ холостомъ домѣ. Кто-то проигралъ, что-то около 12 тыс.! Тогда старшій изъ присутствующихъ всталъ, заперъ двери на ключъ и не открывалъ дверей до тѣхъ поръ, пока несчастливецъ не отыгрался.

Кажется, что это былъ бар. Деллинсгаузенъ — «Длинный Лейнеръ», — какъ мы его звали.

И когда пріѣзжалъ, кто либо изъ друзей, или родныхъ офицера, тогда всѣ оживали, особенно, если это были молодыя дамы, или барышни. Ну, тутъ и вечера, и поѣздки на пикники, и романы, неизбѣжныя въ ранней молодости!

Процвѣтали музыкальные вечера, пѣли и соло, и хоромъ. А если пріѣзжалъ какой либо игрокъ въ

карты, то на него набрасывались со всѣхъ сторонъ изголодавшіеся картежники.

Помню, что къ Алымовымъ пріѣзжалъ какой-то солидный и полный господинъ, не стѣснявшійся въ средствахъ. Тогда устраивали «Охоту на бегемота». Картежники устраивали на него цѣлую облаву.

Сообщеніе съ Петербургомъ было у насъ лѣтомъ на пароходѣ. Кто изъ стариковъ не помнитъ «Красотки», «Кокетки» и «Андрея Забѣлина» и маленькаго, такого любезнаго и преданнаго полку кассира «Красотки».

Сколько воспоминаній связано съ ними! Возили они насъ отъ нашей пристани до ст. Волховъ. А зимой мы ѣздили на ст. Подберезье. Эта станція узкоколейной ж. д., идущей отъ ст. Чудово Н. Ж. Д. до Старой Руссы, черезъ Новгородъ. Отвратительная дорога. Качало такъ, что силъ нѣтъ и какъ пріятно было переходить изъ маленькихъ неудобныхъ вагоновъ узкоколейки въ шикарные вагоны Н. Ж. Д. на ст. Чудово и какъ непріятно было путешествовать обратно. «Узкоколейки», хотя шли по расписанію, но не особенно точно. Иногда машинистъ очень долго закусывалъ на какой нибудь станціи и поѣздъ стоялъ значительно дольше, чѣмъ надо.

Эти дороги были **наши,** всѣ оберы и всѣ кондуктора — запасные драгуны. Ѣхали по домашнему. Былъ такой случай. Миша Путятинъ (князь Путятинъ, владѣлецъ Высокаго и Бологое) охотился въ компаніи нашихъ охотниковъ, гдѣ то на линіи этой ж. д. Сидѣли и закусывали. Появился вдали поѣздъ.

— Давай пари, что я на пять минутъ остановлю поѣздъ, — заявилъ кому то Миша Путятинъ.

— Не правда, — поддразнилъ кто-то.

— Остановлю.

— Нѣтъ.

— Пари.

— Идетъ!

И вотъ, Путятинъ становится на ж. д., какъ бы открывая объятія, надвигающемуся поѣзду. Свистки, свистки безъ конца. Миша упорно стоитъ. Поѣздъ замедляетъ ходъ и шаговъ за 6-7 отъ Миши останавливается. Выбѣгаютъ оберъ-кондуктора, машинистъ, кондуктора, вылетаютъ взволнованные пассажиры. Оберъ и машинистъ уговариваютъ Мишу:

— Ваше Сіятельство, ослобоните путь!

— Черезъ пять минутъ, — категорически заявляетъ Миша. И отпустилъ поѣздъ только черезъ пять минутъ. Пари выиграно.

Иногда кому либо придетъ мысль, что не дурно-бы было прокатиться въ «Городишко». Энергичный предприниматель начинаетъ раскачивать публику. «Господа! Ѣдемъ! Кто ѣдетъ?». Составляется компанія, вырабатывается программа, начинается споръ, ибо по драгунскимъ традиціямъ всѣ должны всегда все продѣлывать вмѣстѣ. «Драгуны водятся стадами», острили сами надъ собой. «Драгуны не отходятъ отъ строя», какъ норовистыя лошади.

Въ концѣ концовъ рѣшаютъ заѣхать къ губернатору Гр. М., затѣмъ обѣдать въ ресторанѣ Сметанина, гдѣ на московско-купеческій ладъ былъ органъ, а передъ нимъ вертѣлась фигурка капельмейстера во фракѣ и цилиндрѣ. Потомъ побывать

у бригаднаго (пѣхотной дивизіи) генерала В. и ужинать въ Дворянскомъ Собраніи. Деньщики получаютъ приказаніе нанимать лошадей. У насъ были свои ямщики, это все жители нашего же «штаба», какъ по старому называли окрестности Кречевицъ, потому что дѣйствительно это былъ аракчеевскій штабъ военныхъ поселеній. Всѣ эти люди много лѣтъ, изъ года въ годъ, возили офицеровъ на ст. Подберезье или на полуст. Витки, или въ Новгородъ.

Въ самомъ зданіи 1-го дивизіона, внизу помѣщалась наша полковая булочная. Какъ она тамъ обосновалась и какъ это случилось, что совершенно частная семья жила въ казармахъ, никто не помнилъ, да и не интересовался этимъ. Булочникъ былъ старый, рыхлый человѣкъ въ очкахъ и на одной ногѣ. Говорили, что въ молодости онъ тоже ямщичилъ и въ пьяномъ видѣ его замерзшаго привезли лошади домой, что тутъ-то и отняли у него ногу.

У него былъ сынъ Мишка — жуликъ и шарлатанъ, но хорошій ямщикъ. Еще былъ Семенъ — это былъ солидный, хозяйственный мужикъ съ черной окладистой бородой и пара его была тоже вороная.

Этотъ ѣздилъ осторожно и съ оглядкою. Зато Васька Скочекъ изъ слободки, всегда лупилъ полнымъ ходомъ «на кнутѣ», тамъ, гдѣ можно и гдѣ нельзя и частенько переворачивалъ въ снѣгъ. Этотъ былъ любимецъ корнетовъ.

Былъ еще знаменитый «Чабыка», который ходилъ съ полкомъ въ Турецкую кампанію, какъ подводчикъ и благополучно вернулся назадъ. Это былъ хитрый и ловкій мужиченко.

Старые офицеры разсказывали про него, что во время похода онъ никогда не унывалъ. Однажды, когда полкъ стоялъ гдѣ-то подъ Константинополемъ и ходили слухи о возвращенiи домой, всѣ часто и много говорили на эту тему. Спросили какъ то и Чабыку:

— Что, Чабыка, скучаешь небось по Россiи?

— А чаво тамъ скучать, — отвѣтилъ Чабыка, — гдѣ мы, тамъ и Рассея.

Былъ еще дураковатый парень рыжеголовый Гришка, но у него была только одна кляча и его обязанность была возить г. г. офицеровъ въ полковую баню и обратно домой. Банный Гришка, такъ и прозывался.

Общiй прiятель старыхъ драгунъ былъ директоръ гимназiи въ Новгородѣ, нѣкто Колоколъ, его очень цѣнили, какъ хорошаго винтера.

А кто изъ васъ помнитъ «Авеля»? Да развѣ можно забыть эту фигуру. Это старый чистокровный жидъ, но какъ мы всѣ его любили и уважали за его честность и полное желанiе сдѣлать все, что вы хотите въ области передѣлки, обновленiя, перешиванiя пальто, мундира и тужурки. Перелицеванiе, «дра-турнэ», — это было его специальностью.

— Изъ ермолки бруки скроимъ, — пѣли молодые про Авеля.

Когда ему предъявляли совершенно невозможныя, казалось-бы, требованiя, онъ задумчиво говорилъ:

— Ну, мозетъ быть и мозно, ми попробуемъ.

Когда полкъ перебирался въ Петергофъ, то и старый Авель рѣшилъ ѣхать. Онъ же не могъ оторваться отъ своего полка! И вотъ на ст. ж.-дороги были выстроены всѣ, не идущiе походомъ драгуны

и семьи сверхсрочныхъ л.-драгунъ и на лѣвомъ флангѣ — Авель!

Когда нач. станціи провѣрялъ число ѣдущихъ по литеру, то остановился передъ Авелемъ, наряженнымъ въ свой самый новый длинный лапсердакъ, и спросилъ: «какъ, и это тоже драгунъ?». «Такъ точно», отвѣчалъ Авель, приложивъ два пальца къ фуражкѣ. «Дригунъ, уже 40 лѣтъ». Какъ драгуна, начальникъ станціи пропустилъ его въ вагонъ.

А егерь Семенъ? нашъ выпускъ уже не засталъ его въ живыхъ, но среди нашихъ охотниковъ, такъ часто его вспоминали, что и сейчасъ этотъ Семенъ живъ въ моей памяти.

Это съ нимъ былъ случай, когда послѣ удачной облавы, наши охотники шумно и весело дѣлились впечатлѣніями, закусывали, выпивали... и забыли о Семенѣ, который мрачно сидѣлъ въ сторонѣ подъ деревомъ. Наконецъ, кто-то замѣтилъ его и позвалъ. «Семенъ, а ты что-же? Хочешь водки?». «Всякій человѣкъ хочетъ водки», обиженно отвѣтилъ Семенъ.,

Всѣ почувствовали свою вину передъ нимъ и наугощали его вволю.

И долго, долго у насъ отвѣчали, когда кто-нибудь предлагалъ водку: «всякій человѣкъ хочетъ водки!».

Умеръ онъ въ денщицкой у ш. р. Посудевскаго, если память мнѣ не измѣняетъ. Легъ на кроват деньщика, сказалъ: «извините», икнулъ и умеръ. Про него же говорили, что, когда его угостили лимонадомъ, то онъ, выпивъ, сказалъ: «зря шипитъ, а не хмѣльное».

А слѣпой Володя съ отцемъ рыбакомъ?

— Налимчики, ваше высокоблагородіе!.. Налимчиковъ вашей милости не угодно-ли?

Это былъ уже не молодой парень, физически не развитой, съ виду мальчикъ.

Отчего ослѣпъ, не помню, но знаю, что въ годы его юности, когда его постигло это несчастье, наши офицеры приняли въ немъ большое участіе и возили его къ какой то знаменитости въ Петербургъ. Ничего изъ этого не вышло.

Знаменитость не могла понять Володьку и отказалась его лечить.

— Ти видишь что нибудь на этотъ глазъ? — спрашиваетъ знаменитость.

— Видать не видать, а знатко маненько, ежели принатужусь, — отвѣчаетъ Володька.

Знаменитость справляется: Vas ist das? знатко?». Ему объясняютъ. Накладываютъ повязку и черезъ три дня снимаютъ.

— Ну какъ сегодня? Какъ видишь?

— А вотъ по печатокъ взаправду знатко! Не то, что въ той разъ, какъ ничего не было видать!

А когда возмущенный профессоръ спросилъ его зачѣмъ же онъ вралъ, то Володя объяснилъ, что вралъ все время изъ «великатности».

Отецъ Володьки, большой пьяница, былъ въ подчиненіи у своего сына, т. к. послѣдній, благодаря своему убожеству, имѣлъ большую кліентуру по поставкѣ «рыбки». Всегда подъ ручку, они бодро шагали отъ дома къ дому и всегда у нихъ были безконечные разговоры. Но иногда старикъ выпивалъ больше, чѣмъ слѣдовало и бросалъ своего сына на полъ пути. И стоитъ бывало Володька гдѣ-нибудь передъ домомъ и отъ времени до времени вопитъ въ пространство.

— Да гдѣ же я этто стою-то? Скажите на милость?

Наконецъ, кто нибудь изъ насъ, или проходящій солдатикъ, выводили Володьку на дорогу, ставили носомъ туда, куда ему надо идти и разсказывали, что на право отъ нея и что на лѣво.

— Ну, оченно благодаренъ, теперь я пошелъ.

И Володька уже бодро шагалъ совершенно оріентировавшись.

А развѣ вы не помните Абрама на пристани?

Зимой мы забывали его, не знали даже гдѣ онъ, но весной, когда мы компаніями ходили глядѣть, какъ «трогается» послѣ зимняго стоянія Волховъ, мы всегда видѣли хлопочущаго около баржи-пристани Абрама.

Волховъ — предательская рѣка. Стоятъ холода, кажется, что уже ледъ твердый, начинаютъ ѣздить по немъ, и вдругъ то тамъ, то тутъ появляются полыньи.

Говорили, что это изъ-за очень глубокихъ источниковъ, которые даютъ максимумъ температуры съ большимъ опозданіемъ, т. е. вмѣсто іюня и іюля (на поверхности земли) только въ декабрѣ и январѣ, и подмываютъ ледъ. Подъ новгородскимъ мостомъ почти всю зиму полыньи. Преданье гласитъ, что это послѣ того, какъ Грозный, покоряя новгородскую вольность, побросалъ массу новгородцевъ въ Волховъ съ моста.

Абрамъ былъ физически здоровый еврей, съ зычнымъ голосомъ, съ густой курчавой бородой. Когда начинали двигаться плоты по Волхову, они, благодаря изгибу Волхова у «Іоны Боженова», передъ Кречевицами, не рѣдко набѣгали на пристань и сдвигали ее. Такъ вотъ въ эти дни и ночи Абрамъ

безъ перерыва неимовѣрно ругался на весь Волховъ и плывущіе на плотахъ мужики дружнымъ хоромъ зычно ему отвѣчали.

Ругань висѣла въ воздухѣ долго, пока плоты не скрывались за Холопьимъ Городкомъ.

Кстати, о Холопьемъ Городкѣ.

Это естественный высокій мысъ не далеко отъ Хутынскаго Монастыря, лежащій на другой сторонѣ Волхова. Преданіе говоритъ, что, когда то встарь, когда Великій Новгородъ былъ еще свободнымъ городомъ, однажды, всѣ торговые люди ушли на войну, остались только жены, дѣти и холопы, да небольшая охрана. Вотъ холопы взбунтовались, перебили охрану, завладѣли городомъ, разгромили терема и магазеи, пьянствовали и буйствовали. Все таки рать Новгорода объ этомъ узнала и двинулась назадъ къ городу. Холопы опомнились и поняли, что пощады имъ не будетъ. Они рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ уйти изъ города и укрѣпиться вотъ на этомъ самомъ мысу, который съ тѣхъ поръ и называется «Холопій Городокъ». Новгородская дружина съумѣла какъ-то окружить этотъ городокъ и всѣхъ бунтарей прикончить. Такъ говоритъ преданіе. Мы часто устраивали на этомъ мысѣ пикники и какъ хорошо и весело бывало! Молодость, гдѣ ты?.. Цѣлыя ночи, бывало, распѣваешь у костра романсы подъ гитару.

Мой постоянный аккомпаніаторъ былъ Н. Н. Лихтанскій! И гдѣ мой нѣжный теноръ, который столько красивыхъ и счастливыхъ минутъ принесъ мнѣ въ жизни. Живъ ли Н. Н. Лихтанскій? (Старичелли) не знаю, но теноръ мой похороненъ на берегу рѣки Пилицы, во время великой войны. Отъ

хроническаго бронхита я вылѣчился на Кавказскомъ Фронтѣ — но голосъ не вернулся.

Другія любимыя мѣста для пикниковъ и прогулокъ были такъ называемыя «Лѣсопилка» и «Собачьи горбы», тоже на другой сторонѣ Волхова. Это были лѣсистые бугры, гдѣ весною было много ландышей. Откуда названіе «лѣсопилки», не знаю, м. б. когда то давно здѣсь былъ лѣсопильный заводъ, но въ наше время тамъ никакихъ заводовъ не было.

На этомъ берегу Волхова, между Катовицами и нашими казармами, была церковь Іоанна Богослова. Нашъ берегъ былъ низкій, но Іоаннъ Богословъ все же былъ на довольно высокомъ мысу, входящемъ въ Волховъ. Эта церковь была приходомъ Катовицъ. Возлѣ церкви было нѣсколько памятниковъ и одинъ изъ нихъ хранилъ подъ собой прахъ нашего л.-драгуна Драхенфельда. О его смерти сохранилось преданіе, что онъ имѣлъ многолѣтній, очень мучительный романъ съ замужней женщиной въ Новгородѣ, что, однажды, она ему сказала, что больше вынести этого положенія не можетъ. Не можетъ бросить мужа и не въ силахъ уйти отъ него, Драхенфельда, и, что она рѣшается лишить себя жизни. Такъ это и случилось. Драхенфельдъ поѣхалъ въ Новгородъ, поклонился покойницѣ, вернулся домой и изъ пистолета выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. Говорятъ, мозгами былъ обрызганъ весь потолокъ. Я жилъ много лѣтъ спустя въ его квартирѣ.

Воду мы получали изъ Волхова. Вода всегда мутная съ глиной и иломъ. Поэтому, въ каждой квартирѣ имѣлся свой фильтръ. Былъ такой спеціалистъ, который изготовлялъ эти фильтры. Два

глиняныхъ горшка, одинъ надъ другимъ, наполненные углемъ, пескомъ. Въ верхній горшокъ наливали воду, а въ нижнемъ былъ кранъ, откуда и выходила уже профильтрованная вода. Но полк. Зенкевичъ рѣшилъ усовершенствовать этотъ фильтръ. Онъ въ днѣ горшка сталъ просверливать отверстія. Горшки лопались. Изобрѣтатель бралъ другіе и упорно крутилъ коловоротомъ дырки. Полковникъ Зенкевичъ пересталъ ходить въ собраніе, пересталъ одѣваться, по цѣлымъ днямъ ходилъ въ кальсонахъ и въ старомъ пальто — крутилъ и крутилъ, а горшки лопались и лопались. Всѣ мы толпами ходили его навѣщать, давали совѣты, удивлялись его настойчивости и уговаривали бросить это дѣло. Наконецъ, кажется 28-й горшокъ былъ просверленъ насквозь. Масса дырокъ! Съ гордостью изобрѣтатель объяснялъ намъ преимущество его фильтра, торжественно передалъ его деньщику: «неси и поставь на другой горшокъ». Деньщикъ понесъ, споткнулся, задѣвъ ногой на коверъ и... разбилъ съ такимъ трудомъ добытый горшокъ. Зенькевичъ плюнулъ и больше уже не крутилъ. Онъ говорилъ, что «только блохъ надо торопиться ловить» и дѣйствительно никогда не торопился и очень часто опаздывалъ. Смѣшалъ онъ какъ-то охотничью дробь, два рядомъ стоящихъ номера. Надо ихъ разобрать. Дидя Багратіонъ, жившій съ нимъ, убѣждалъ его, что не стоитъ, такая маленькая разница, что она не имѣетъ серьезнаго значенія, но Зенькевичъ не соглашался и опять изобрѣтеніе. Дощечка, на ней врѣзана дорожка, а на полъ пути этой дощечки дырочка, какъ разъ для дроби меньшаго діаметра. По дорожкѣ (какъ дѣти катаютъ яйца) пускались дробинки, большія катились

въ одну коробку, а малыя проваливались и падали въ другую. Въ Петергофѣ уже такихъ изобрѣтеній не появлялось.

Всѣ изъ насъ, кто пробылъ 5, 6 лѣтъ въ Кречевицахъ, пріобрѣтали своеобразныя привычки и отличались какими либо странностями.

А. Б.

САША СТАВСКІЙ

(воспоминанія стараго лейбъ-драгуна)

I

Какъ живой стоитъ онъ предо мною. Удивительно точно, фотографически точно, я представляю себѣ его фигуру. Сколько лѣтъ прошло, многое вылетѣло изъ памяти. Пришла старость. Подлое время отбило память, но Ставскаго я живо помню. Время! Ехидное, непобѣдимое время. Въ дѣтствѣ и юности мы торопили его изо всѣхъ силъ. Какъ обидно ребенку, что его не считаютъ юношей и какъ обидно юношѣ, что онъ еще не молодой человѣкъ. Потомъ нѣсколько лѣтъ мы гордо не считаемся съ текущими годами, со временемъ, его у насъ слишкомъ много впереди и... вдругъ какъ то совершенно незамѣтно мы чувствуемъ какую то невѣсомую тяжесть этихъ, такъ красочно, красиво прожитыхъ лѣтъ. Увы, надвигается старость!.. Опять борьба со временемъ. Тормозимъ, упираемся, умоляемъ минуты и часы не бѣжать такъ безумно скоро. А подлое время ехидно улыбается и шепчетъ намъ въ безсонныя ночи: «чего ты стараешься запрудить рѣку временъ? Напрасный трудъ, все равно я выщиплю твои волосы, выбью зубы, сотру блескъ твоихъ глазъ, отниму память».

Но попробую я все-же возстановить тѣ минуты прожитого, когда мы плечо къ плечу шли со Ставскимъ по лѣсамъ и полямъ Польши.

*
**

— Господа! Отъ нашего эскадрона разъѣздъ въ 12 коней. Задача очень интересная, — говорю я, входя въ халупу. Офицеры вскакиваютъ со своихъ мѣстъ отдохновенія, кто лежалъ на соломѣ на полу, кто на лавкѣ, разстеливъ полушубокъ, а одинъ смѣльчакъ такъ даже на кровати, гдѣ уже навѣрное есть клопы. Всѣ тѣсно сгрудились надъ картою. Не успѣлъ я кончить о назначенiи разъѣзда, какъ прапорщикъ Саша Ставскiй категорически заявляетъ: «Я иду въ разъѣздъ». И такъ всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ: «Я иду въ разъѣздъ». Онъ всегда желаетъ идти. Въ состоянiи ли онъ, можетъ-ли онъ идти, это другой вопросъ, но онъ всегда **хочетъ.** У него бодрый духъ, который побѣждаетъ слабую плоть. Здоровье у него скверное, его мучаетъ лихорадка, онъ растеръ себѣ ноги, ходить для него мученiе, онъ хромаетъ, но... все равно — «я иду».

— Нѣтъ, ты не пойдешь, — говорю я. — Вопервыхъ не твоя очередь, во вторыхъ, у тебя лихорадка, а въ третьихъ, тебѣ надо ѣхать въ отпускъ, а не въ разъѣздъ.

— Да я не хочу въ отпускъ! Я совершенно здоровъ. Въ твоихъ сапогахъ у меня ноги перестали болѣть, я совершенно готовъ идти и т. д., и т. д.

Изъ этой сценки вы уже представляете себѣ Сашу Ставскаго. Небольшого роста, такой тонкiй и легкiй, съ болѣзненнымъ румянцемъ на лицѣ, и

съ косящими глазами. Особенно замѣтны были эти косящіе глаза, во время его лихорадочнаго состоянія.

Отличный боевой офицеръ, но требующій наблюденія за собой и сдерживающаго руководства, т. к. бурныя желанія что то совершить, часто увлекаютъ его, какъ у насъ говорятъ, «въ авантюру».

Онъ всегда готовъ выйти изъ предѣловъ возложенной задачи, всегда горитъ желаніемъ сдѣлать больше, чѣмъ отъ него требуютъ. Саша Ставскій поражалъ насъ силою своего духа и, какъ жаль, что онъ былъ только прапорщикъ запаса, т. е. со слабой сравнительно съ кадровыми офицерами, подготовкой.

Это былъ самый желательный типъ офицера. Когда онъ прибылъ къ намъ въ полкъ, на войну, мы очень скоро поняли, что онъ теперь на своемъ мѣстѣ. Это былъ прирожденный солдатъ. Вышелъ онъ на войну очень плохо снабженный. Все было у него не такъ какъ надо. Сапоги не тѣ, шинель не та, бѣлье не то, промокайка не та и т. д. Но все это какъ бы не касалось его, онъ рвался работать, служить Государю и Родинѣ и драться съ нѣмцами.

Безусловно храбрый человѣкъ, это показала и его смерть. Онъ часто, какъ говорили у насъ, «зарывался», благодаря своему неугомонному темпераменту.

Помню такой пустяшный случай, но отлично его характеризующій. Мы возвращались послѣ развѣдки и остановились покормиться на какомъ-то хуторѣ. Нашли гуся, стали его жарить и щелкали зубами, ожидая, пока онъ будетъ готовъ. Вдругъ, тревога: «Ваше В. Б., такъ что противникъ показался!» Ну, конечно, оправляя амуницію на ходу, вы-

скакиваемъ. «Къ конямъ!». «Рысью, маршъ!». Прежде всего надо отойти и спрятаться гдѣ нибудь.

Идемъ и всѣ мрачно мечтаемъ о гусѣ, который уже теперь готовъ. Я и не вытерпѣлъ и сказалъ: «Эхъ, этотъ гусь!». И въ одно мгновеніе Ставскій карьеромъ ускакалъ назадъ, за нимъ, конечно, его вѣрный вѣстовой, ибо тогда наши солдаты были вѣрными людьми.

— Куда! Назадъ! Прапорщикъ С.!

Что дѣлать? Выругался и повелъ эскадронъ дальше. А черезъ минутъ двадцать, Ставскій, сіяющій и гордый прискакалъ съ гусемъ на отлетѣ въ правой рукѣ. Слѣдовало бы по настоящему серьезно сдѣлать ему внушеніе. Ну, подумайте сами, возможно ли было это сдѣлать, если всѣ сейчасъ же навалились на этого гуся?

Прошло благополучно, а вѣдь могъ нарваться на скверную исторію

И вотъ и попалъ. Это было въ Польшѣ, 4 декабря. Мы отступили передъ противникомъ — принято говорить — «выравняли фронтъ». Вели каждый день арріергардные бои.

Вечеромъ, оставляли на мѣстѣ развѣдывательный эскадронъ, а дивизія уходила дальше.

Правильно ли называть такіе эскадроны развѣдывательными? Я думаю — нѣтъ, ибо развѣдывательные эскадроны идутъ впередъ и ищутъ противника, предоставленные сами себѣ, а тутъ эскадронъ остается на мѣстѣ, имѣя уже непосредственное соприкосновеніе съ противникомъ и постоянную связь съ дивизіей. Эскадроны эти имѣли наблюдательно-оборонительную задачу передъ линіей охраненія своего отряда. Вотъ въ такой заслонъ попали и мы. Командиръ полка указалъ мнѣ

районъ дѣйствія, пожелалъ всего лучшаго, сердечно пожалъ руку и... дивизія ушла, а мы остались. Еще не было темно и я сидѣлъ подъ деревомъ и разбирался по картѣ.

Помнится, дѣло было такъ: противникъ подходилъ тремя колоннами къ рѣкѣ. Мы были на другой сторонѣ, противъ г. Пшедборжа. Мостъ черезъ рѣку былъ нами испорченъ. Ясно, что за ночь противникъ исправитъ мостъ и утромъ будетъ двигаться дальше, а сейчасъ мелкія кавалерійскія и пѣхотныя части переправляются, гдѣ на лодкахъ, гдѣ въ бродъ.

Я намѣтилъ одинъ хуторъ въ лѣсу, около котораго проходитъ дорога къ рѣкѣ, въ сторону противника. Главная же дорога, шоссе, была въ сторонѣ, правѣе насъ. На этомъ шоссе я выставилъ заставу, выставилъ еще рядъ постовъ, а эскадронъ привелъ къ выбранному мною хутору.

Оказалось, что хутора нѣтъ. Онъ сгорѣлъ, осталась громадная «стодола», навѣсъ, набитый соломой и рядомъ съ нимъ полуразрушенный сарай. Эскадронъ я расположилъ въ стодолѣ, при чемъ люди сидѣли на соломѣ и держали поводъ въ рукѣ, ибо надо было быть на чеку, т. к. ежеминутно разъѣзды противника могли насъ обнаружить.

Для собственнаго охраненія выставили рядъ пѣшихъ постовъ. Мы, офицеры, забились въ сарай. Сидѣли въ темнотѣ, чтобы не обнаруживать своего присутствія. Ночь была темная, дождливая, кругомъ грязь и слякоть. Почти каждые полъ часа ко мнѣ прибѣгали драгуны съ пѣшихъ постовъ:

— Такъ что, В. В. Б., идутъ оны съ огнямъ.

Я бѣжалъ къ посту и, дѣйствительно, гдѣ-то впереди насъ, въ дали маячатъ огни. Если усталы-

ми глазами долго смотрѣть на такой огонекъ, то онъ начинаетъ двигаться, въ одну и въ другую сторону, смотря по вашей личной фантазіи. Смотримъ, судимъ, рядимъ, и, въ концѣ концовъ, убѣждаемся, что огонь стоитъ на мѣстѣ, потому что два человѣка говорятъ, что идетъ влѣво, одинъ убѣждаетъ, что вправо, а другіе, что онъ прямо претъ на насъ. Наконецъ, мнѣ пришла благая мысль: я взялъ англійскую булавку, они всегда были у меня въ кобурѣ, воткнулъ ее въ заборъ и прицѣлился черезъ круглое ушко на огонекъ. Оказывается, ни одинъ огонекъ не движется. Я объяснилъ и демонстрировалъ этотъ пріемъ на всѣхъ постахъ. Всѣ прицѣливались и убѣждались, что огоньки не двигаются.

Наконецъ, я пересталъ зря бѣгать отъ сарая къ постамъ и могъ спокойно посидѣть. Но вотъ, что значитъ судьба! Пришли мы на хуторъ, уже было темно, огней не зажигали, боясь себя обнаружить. Разъ десять я сбѣгалъ къ постамъ черезъ дворъ и всегда благополучно. Но когда шелъ въ послѣдній разъ назадъ, то стремглавъ полетѣлъ куда то, въ какую то яму, ушибъ больно спину, руку и голову. Пришлось зажечь электрическій фонарь. Я оказался въ провалившемся погребѣ. Вылѣзъ съ трудомъ при помощи проходившихъ драгунъ и злой и измазанный вернулся въ сарай.

Среди ночи, рядомъ стоящіе оренбургскіе казаки донесли мнѣ, что противъ ихъ расположенія противникъ наводитъ мостъ. Я послалъ для провѣрки офицерскій разъѣздъ. Оказалось, что, дѣйствительно, слышны голоса и шумъ работъ. Я послалъ объ этомъ донесеніе. Два раза какіе то всадники подъѣзжали къ самымъ воротамъ, но въ ху-

торъ не заѣзжали. Посты слышали въ темнотѣ проходившіе разъѣзды противника и по звуку хлюпающихъ лошадиныхъ копытъ, опредѣлили 10-12 коней. Между тѣмъ приближался разсвѣтъ.

Я подымаю людей, собираю посты и веду эскадронъ къ заставѣ у шоссе на Пшедборже. Тутъ мы спѣшиваемся, занимаемъ позицію, т. к. условія мѣстности этому благопріятствуютъ.

Спустя нѣсколько часовъ, я послалъ Ставскаго съ 12 драгунами къ берегу рѣки, посмотрѣть, наведенъ-ли мостъ, о которомъ я доносилъ ночью. Тутъ Ставскій летитъ черезъ хуторъ, нами оставленный. Я приказалъ Ставскому, чтобы онъ немедленно возвращался назадъ, если колонна противника уже на этой сторонѣ.

Прошло около часу времени послѣ ухода Ставскаго, какъ я получилъ донесеніе отъ находящихся правѣе меня Оренбургскихъ казаковъ, что они отступаютъ, такъ какъ ихъ флангъ обходитъ конница противника. Если я останусь, то меня могутъ захлопнуть. Къ этому же времени получилъ отъ своихъ разъѣздовъ донесеніе, что они отступаютъ передъ наступающими колоннами противника. Подождалъ еще немного и рѣшилъ отступить надѣясь, что Ставскій сейчасъ вернется. Почти до вечера, тамъ постепенно, мы отступали и Ставскаго я такъ и не дождался.

Проходитъ еще день. Ставскаго нѣтъ и ни одного донесенія отъ него нѣтъ. Часто бывало, что разъѣздъ отъ развѣдывательнаго эскадрона пропадаетъ нѣсколько дней, но вотъ прошло уже 2 недѣли и его нѣтъ.

Наконецъ появился одинъ драгунъ изъ его

разъѣзда. Это былъ полякъ. Когда онъ явился къ намъ въ немъ ничего солдатскаго во внѣшности, не осталось. Это былъ польскій крестьянинъ мѣстный житель. Къ несчастью я забылъ его фамилію. На линіи нашего охраненія его очень долго держали, подозрѣвая, что имѣютъ дѣло со шпіономъ. Наконецъ въ какомъ то штабѣ оказался мой ученикъ по Академіи и когда этотъ драгунъ сказалъ, что Ротмистръ Бендерскій командуетъ 6 эскадрономъ только годъ, а самъ онъ изъ Генеральной Академіи, то его пропустили.

Вотъ что разсказалъ онъ: Когда Ставскій съ разъѣздомъ подошелъ къ хутору, въ которомъ мы ночевали, то оказалось, что онъ уже занятъ противникомъ. Вмѣсто того, чтобы вернуться назадъ Ставскій обходитъ хуторъ и спускается къ рѣкѣ, желая увидѣть наведенный мостъ. Это ему не удается. Застава и дозоры противника гонятъ его. Онъ углубляется все больше въ лѣсъ. Я себя представляю такъ. Я отступалъ передъ колоннами противника идущаго по шоссе отъ Шшеборжа, правѣе ихъ шла право фланговая колонна противника, перешедшая наведенный мостъ. Я, уходя отодвигался отъ шоссе вправо, къ лѣвому флангу противника, а Ставскій уходилъ отъ право фланговой колонны противника въ лѣсъ влѣво отъ меня и такимъ образомъ онъ оказался отрѣзаннымъ отъ меня двумя колоннами.

Послѣ суточнаго скитанія по лѣсамъ Ставскій, по словамъ драгуна, вышелъ на какую то мельницу. Мельникъ полякъ принялъ горячее участіе въ русскихъ «жолнежахъ». Онъ завелъ ихъ въ глубь лѣса, поставилъ на какомъ-то островкѣ среди мѣстныхъ болотъ и доставлялъ имъ фуражъ и пропи-

таніе. Вотъ оттуда и былъ посланъ этотъ первый человѣкъ отъ Ставскаго, болѣе недѣли тому назадъ.

Проходитъ мѣсяцъ, ни слуху ни духу... Можетъ быть прошло уже два мѣсяца... Нѣтъ его.

⁂

Я чувствую, что мнѣ пора ѣхать въ отпускъ, отдохнуть. При боевой обстановкѣ, я всегда требовалъ, чтобы смѣняющіеся ночные дежурные будили меня.

Нашъ уставъ внутренней службы предписываетъ одного дежурнаго по эскадрону на сутки. Это возможно, конечно, при мирной обстановкѣ. Но когда измученные, усталые люди послѣ цѣлаго дня боевой дѣятельности останавливаются на отдыхъ, мыслимо ли требовать отъ человѣка бодрствованія еще въ продолженіи ночи? Поэтому я дѣлилъ эту ночь на нѣсколько частей и назначалъ нѣсколькихъ дежурныхъ, которые и смѣнялись вмѣстѣ съ дневальными. Такимъ образомъ отъ человѣка можно было требовать, чтобы онъ бодрствовалъ, а чтобы провѣрять, приходитъ ли эта смѣна на самомъ дѣлѣ, я приказывалъ какимъ нибудь очереднымъ дежурнымъ являться ко мнѣ для смѣны.

Просыпаюсь однажды утромъ съ полной увѣренностью, что ночью меня въ назначенный часъ смѣняющійся нарядъ не разбудилъ. Допрашиваю вахмистра. Вахмистръ производитъ дознаніе и докладываетъ, что дежурные были, разбудили меня, рапортовали, что я спрашивалъ ихъ о томъ то и о томъ то, что приказалъ то то. А я ничего не помню... Дѣло плохо. Надо ѣхать въ отпускъ. Коман-

диръ полка сейчасъ же меня отпустилъ. «Вамъ, Бендерскій, надо дѣйствительно отдохнуть», сказалъ онъ, «вотъ кстати заѣзжайте къ родителямъ Ставскаго и разскажите все.. Конечно я понимаю, что это тяжело, но все же лучше если вы поговорите съ ними, чѣмъ писать письмо. Да не убивайте въ нихъ надежду и т. д.».

Я поѣхалъ... Первые дни отпуска, какое счастье! Это надо пережить, разсказать нельзя, каждый изъ насъ переживалъ это и понимаетъ меня. Но, наконецъ, надо же дѣлать дѣла, исполнять порученія и между прочимъ это тяжелое порученіе къ родителямъ Ставскаго. Жили они въ Ораніенбаумѣ, только что потеряли одного сына убитаго въ бою. Какъ мучительно не хотѣлось ѣхать! Ну все таки, ѣхать въ Ораніенбаумъ къ Ставскимъ надо, ничего не подѣлаешь, и вотъ, въ одинъ прекрасный день я собрался и поѣхалъ. Промелькнули мимо такъ хорошо знакомыя станціи: Лигово, Сергіево, Новый Петергофъ, наконецъ, родной Старый Петергофъ, гдѣ было столько прожито и пережито, и я подкатываю къ Ораніенбауму.

Непріятныя минуты — объяснять родителямъ, что ихъ сынъ ушелъ съ разъѣздомъ и пропалъ безъ вѣсти... Я все придумываю, какъ я встрѣчусь и что буду говорить. Какъ буду говорить, если будетъ одинъ генералъ, какъ если будутъ оба родителя дома, и какъ, если будетъ одна мать — вотъ это тяжелѣе всего.

«Имъ не забыть своихъ дѣтей, погибшихъ на
кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ своихъ поникнувшихъ вѣтвей...»

Я не зналъ своей матери, она умерла послѣ моихъ родовъ, я росъ безъ матери и можетъ быть именно поэтому я такъ чутко всегда относился къ материнскимъ чувствамъ.

Ну вотъ домъ, вотъ подъѣздъ. Не повернуть ли обратно и послать письмо. Нѣтъ, нельзя, вѣдь это — порученіе Командира полка. Рѣшился и звоню...

Дверь отворяетъ солидная, съ добродушнымъ лицомъ, не то кухарка, не то нянька.

— Дома генералъ? — спрашиваю я.

— Ахъ, вы отъ Саши, — спрашиваетъ она и въ одно мгновеніе каскадъ слезъ.

Такъ стоимъ мы нѣсколько секундъ другъ противъ друга.

Она обливается слезами, а изъ моей головы вылетаютъ всѣ заготовленныя фразы. Я не переношу женскихъ слезъ. Наконецъ, она пропускаетъ меня въ переднюю, я раздѣваюсь и робко вхожу въ гостинную, и сейчасъ же сталкиваюсь съ генераломъ. Онъ безмолвно жметъ мнѣ руку, какъ старому знакомому.

— Ваше Превосходительство, — начинаю говорить, — я глубоко убѣжденъ, даю Вамъ въ этомъ слово, Саша живъ...

Этими словами по обдуманной программѣ я долженъ былъ закончить нашу бесѣду, но все, что отъ сердца — всегда хорошо и дѣйствительно мои слова подбодрили генерала и, когда вошла мать Саши, то мы оба вели спокойную, дѣловую бесѣду и все, слава Богу, кончилось благополучно. Кажется, что я сумѣлъ внушить большія надежды бѣднымъ старикамъ. Мы разстались друзьями.

На нихъ произвели сильное впечатлѣніе мои

отзывы о Сашѣ и моя оцѣнка его, какъ боевого офицера. Какъ хорошо и легко я себя чувствовалъ когда возвращался въ Петербургъ.

Мы со своей старой, милой, любимой крѣпко теткой — были въ Маріинскомъ театрѣ, слушали новую оперу: «Царь Салтанъ». Къ намъ подходили знакомые и тетя гордо показывала всѣмъ мой Георгіевскій темлякъ. Счастливыя минуты...

Прошло много мѣсяцевъ.. Я былъ уже полковникомъ на Кавказскомъ фронтѣ; успѣлъ почти совершенно выздоровѣть отъ по моему мнѣнію начинающейся у меня, отъ простуды на берегу Пилицы, чахотки. Успѣлъ снова заболѣть, но не такъ серьезно желудочнымъ недомоганіемъ и получить отпускъ въ Петербургъ. И вотъ это было осенью, должно быть въ 16 году. Я иду по пассажу на Невскомъ и мнѣ настрѣчу идетъ Саша Ставскій. Не стану описывать восторгъ нашей встрѣчи. Помню только, что послѣ первыхъ же привѣтствій я страшно выругалъ его за неисполненіе приказа, онъ сразу вытянулся, взялъ руку подъ козырекъ и просилъ его простить. Я простилъ.

Теперь постараюсь передать эпопею его странствій и переживаній, разсказанныхъ мнѣ за стаканомъ вина въ уютномъ уголкѣ ресторана, гдѣ мы съ нимъ такъ славно пообѣдали.

РАЗСКАЗЪ СТАВСКАГО

Многое, конечно, улетѣло изъ памяти, но постараюсь все-таки припомнить разсказъ Ставскаго. Собственно надо было бы назвать не «разсказъ», а «сказочныя приключенія Саши Ставскаго».

Началъ онъ съ того, что сознался въ своей винѣ: не исполнилъ моего приказанія, которое ясно гласило, что если хуторъ, въ которомъ мы ночевали, занятъ противникомъ, то немедленно возвращаться назадъ.

Хуторъ оказался занятымъ кавалеріей противника, но Ставскій, у котораго всегда былъ порывъ «впередъ», позабылъ о моемъ приказѣ и проскочилъ къ рѣчкѣ. Отъ рѣчки онъ долженъ былъ немедленно же отступить, такъ какъ черезъ нее уже переправлялись пѣхотныя части противника и колонны двигались по направленію на насъ. Пришлось уйти влѣво и вотъ онъ захлопнулся... Тогда онъ попробовалъ проскочить черезъ колонну, но это ему не удалось и онъ ушелъ еще болѣе въ глубь лѣсовъ и дальше отъ насъ. Вышелъ онъ къ одиноко стоящей въ лѣсу мельницѣ все на этой же рѣчкѣ. Старый мельникъ-полякъ очень сердечно отнесся къ разъѣзду. Онъ былъ настроенъ противъ нѣмцевъ: «они не признаютъ Матерь Божію». Этотъ мельникъ посовѣтовалъ Ставскому спрятать-

ся въ лѣсу, не по далеку отъ мельницы. Мельница стояла близь какого то шоссе. Шоссе это проходило черезъ болотистый лѣсъ. Не только конному, но и пѣшему не пройти черезъ этотъ лѣсъ.

Но на этомъ болотѣ былъ островокъ совершенно сухой.

Тропа къ нему шла далеко изъ глубины лѣса и только хорошо освѣдомленный человѣкъ могъ пробраться на этотъ островокъ.

И хотя дорожка-тропа вела къ островку далеко изъ глубины лѣса, самъ онъ находился очень близко отъ шоссе. Вотъ на этотъ то островокъ Ставскій и привелъ свой разъѣздъ и просидѣлъ на немъ до морозовъ. Мельникъ посвятилъ въ тайну мѣста пребыванія разъѣзда нѣсколькихъ вѣрныхъ мужиковъ близь лежащаго селенія и они доставляли пищу людямъ и фуражъ лошадямъ. Вся звуковая жизнь на шоссе была ясно слышна на островкѣ. Ставскій записывалъ каждый день въ своей полевой книжкѣ какія части и когда проходили мимо. Потомъ стали лишь съ перерывами движенія обоза и тогда ужъ явилась мысль, что надо бы рискнуть двинуться впередъ. Но какъ? Итти ли разъѣздомъ съ оружіемъ въ рукахъ, разбиться ли по маленькимъ группамъ и итти пѣшкомъ? Переодѣться мужиками? И пока Ставскій колебался въ рѣшеніяхъ произошелъ такой случай. Однажды со сторожевого поста прибѣжалъ драгунъ и доложилъ, что прямо на бивуакъ идетъ нѣмецъ солдатъ-охотникъ преслѣдующій кабана.

Минутное колебаніе и затѣмъ рѣшеніе, необходимо беззвучно убить нѣмца иначе мѣсто пребываніе разъѣзда будетъ открыто. Приказъ и исполненіе. Устроили засаду, сразу вчетверомъ на-

валились на нѣмца и кузнецъ бывшій въ разъѣздѣ задушилъ его своими геркулесовскими руками.

Нѣмца зарыли — но что дѣлать дальше? Вѣдь этого нѣмца унтеръ-офицера будутъ искать?

Опять на сцену появляется старый мельникъ. По его словамъ положеніе очень скверное: болота больше нѣтъ, морозъ сковалъ почву — необходимо уходить.

И вотъ Ставскій сдаетъ лошадей мѣстнымъ мужикамъ. Оружія и аммуницію зарываетъ. Люди разбиваются на мелкія группы и съ благословенія Ставскаго идутъ въ направленіи на наше расположеніе. Ставскій пошелъ одинъ, такъ какъ рѣшилъ использовать свой походъ съ цѣлью развѣдки и не хотѣлъ рисковать ни однимъ человѣкомъ.

Дальше помню отрывочныя картины.

Ставскій, вооруженный наганомъ, въ лѣсу встрѣчается съ нѣмецкимъ офицеромъ. Они охотятся другъ за другомъ. Расходятся оба невредимыми. Потомъ Ставскій заболѣлъ отъ простуды, у него повышенная температура. Онъ уже сутки лежитъ въ домикѣ лѣсничаго. Ночью неожиданно приходитъ деньщикъ-нѣмецъ и начинаетъ устраивать ночевку своему офицеру, прибывающему съ обозами. Ставскій спалъ на лавкѣ, имѣя подъ головой наганъ и свою книжку, гдѣ записаны всѣ его приключенія. Когда онъ услышалъ разговоръ нѣмца съ лѣсникомъ, онъ быстро вскочилъ и, схвативъ свитку, выскочилъ въ окно. Увы! Наганъ и записная книжка пропали! Теперь онъ безоружный батракъ, выдаетъ себя за бѣлорусса, бродитъ изъ деревни въ деревню. Заводитъ дружбу съ однимъ нѣмецкимъ унтеромъ — играетъ съ нимъ въ шашки,

кое какъ болтаетъ по нѣмецки и выпытываетъ у него про мѣсторасположеніе нѣкоторыхъ частей.

Наконецъ, постепенно двигаясь впередъ попадаетъ въ полосу боевъ. Однажды, долго лежалъ въ канавѣ, подъ обстрѣломъ и «нашихъ и вашихъ» и, наконецъ, отдается въ руки казачьяго разъѣзда и попадаетъ послѣ 5 мѣсяцевъ отсутствія опять въ расположеніе русской арміи. Вотъ все, что я помню изъ разсказовъ Саши.

***

Мы скоро разстались, т. к. мой отпускъ былъ неожиданно прерванъ телеграммой, призывающей меня въ Тифлисъ. Кавказскую Дивизію вторично перебрасывали на Западный Фронтъ.

Уже будучи въ Штабѣ 7-й арміи, я услышалъ о геройской смерти Саши Ставскаго. Кто знаетъ подробности его смерти, тотъ долженъ описать ее. Миръ праху твоему, славный офицеръ и дорогой боевой товарищъ, Саша Ставскій! Въ памяти своихъ друзей ты не умрешь, пока они живы!..

А. Бендерскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ФИНЛЯНДЦА О ЛЕЙБЪ-ДРАГУНАХЪ

Во второмъ выпускѣ «Лейбъ-Драгуны дома и на войнѣ», полк. Э. Гриммъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ изъ командованія полкомъ графомъ Келлеромъ», — пишетъ, между прочимъ, что: «... графъ Келлеръ терпѣть не могъ новшествъ»...

Да будетъ позволено и мнѣ, — не Лейбъ-Драгуну, а Финляндцу, разсказать эпизодъ изъ командованія славнымъ Лейбъ-Драгунскимъ полкомъ, гр. Келлеромъ.

Послѣ Русско-Японской войны, особенно съ 1907-8 г. г., произошло много измѣненій въ занятіяхъ, начались предъявляться очень серьезныя требованія, появилось не мало «новаго». Очереднымъ такимъ новшествомъ было, на маневрахъ, увеличеніе числа посредниковъ и углубленіе ихъ ролей: быть «судьями», разбирать происходящія столкновенія и приговаривать воинскія части ко временному и даже полному бездѣйствію. Не мало командировъ отдѣльныхъ частей, да и вообще старшихъ офицеровъ, — явно выражало свое неудовольствіе этими новшествами... Къ такимъ, очевидно, принадлежалъ и генералъ гр. Келлеръ.

Были малые маневры, — пѣхота противъ конницы, въ районѣ Кирхгофъ и д. Николаевка.

Я, со своей охотничьей командой, находился на развѣдкѣ около деревни Нагола, наблюдая за Кирхгофомъ, у котораго сосредоточивались крупныя массы конницы противника. Недалеко отъ меня, находилась охотничья команда лейбъ-егерей. Неожиданно, мимо моего дозора, проѣзжаетъ лейбъ-драгунъ, — противникъ, съ «вѣточкой» на фуражкѣ, — повидимому, посланный съ какимъ-то донесеніемъ или приказомъ. На окликъ моего дозорнаго: «стой», — всадникъ далъ коню шпоры и попытался было ускакать, но, съ головы упала фуражка и въ ней предательски забѣлѣлъ конвертикъ. Драгунъ волей-не-волей, долженъ былъ остановиться; но, конечно, конверта этого я ему не отдалъ, а приказалъ спѣшиться и оставаться при мнѣ. На бланкѣ полевой книжки, за подписью командира Л. Гв. Драгунскаго полка, ген. майора гр. Келлера оказалось донесеніе начальнику 2-й гв. кав. дивизіи о томъ, что лейбъ-драгуны подходятъ уже къ д. Пагола и немедленно слѣдуютъ дальше на д. Николаевку, чтобы атаковать обороняющую ее пѣхоту. Быстро созрѣлъ у меня въ головѣ планъ, — не допустить лейбъ-драгунъ къ Николаевкѣ. Я соединился съ охотниками л.-гв. Егерскаго полка, бывшими подъ начальствомъ подпор. Л. Л. Гапонова, и мы, сообща, рѣшили устроить засаду. Тѣмъ временемъ, лейбъ-драгуны совершенно спокойно, ничего не подозрѣвая и находясь еще вдали отъ противника, подъ прикрытіемъ дозоровъ и разъѣзда, спускались, въ походной колоннѣ, съ Кирхгофской горы. Скрытно расположившись въ кустахъ передъ болотомъ, въ сторонѣ отъ дороги, мы подпустили къ себѣ эскадроны и начали ихъ жестоко залповать! Что тутъ было!.. Растерянность полная.

Штандартъ немедленно увезли назадъ. Головной эскадронъ развернулся и полнымъ махомъ пошелъ въ атаку на мою команду, но, попавъ неожиданно въ болото, — завязъ, и едва смогъ изъ него выбраться. Нѣсколько лошадей, сбросивъ всадниковъ и проваливаясь по брюхо, тяжелыми скачками пытались пройти эту топь... Помню, какъ сейчасъ, скачущаго маленькаго корнета Языкова... Другой эскадронъ, высланный для атаки въ обходъ, попалъ подъ фланговый огонь лейбъ-егерей и, перемѣнивъ направленіе, понесся на нихъ; а противъ насъ началось спѣшенное наступленіе. Мы все продолжали залповать и, помню, подавали команды: «батальонъ — пли!».

Подъѣхавшіе посредники пріостановили дальнѣйшій ходъ дѣйствій и, ознакомившись съ обстановкой, вынесли слѣдующее мудрое рѣшеніе: весь л.-гв. Драгунскій полкъ былъ приговоренъ на цѣлый часъ къ бездѣйствію. Мы выполнили вполнѣ свою задачу и не дали возможности л.-драгунамъ атаковать д. Николаевку, которую, между прочимъ обороняль и нашъ полкъ.

Л.-Драгуны собрались и спѣшились на полянѣ у д. Пагола. Офицеры, во главѣ съ гр. Келлеромъ, весело смѣясь, привѣтливо пригласили насъ, Гапонова и меня, недавнихъ своихъ враговъ, къ своей артельной повозкѣ, радушно угощали лимонадомъ съ коньякомъ, что было весьма кстати... Гр. Келлеръ, однако, не совсѣмъ былъ доволенъ «мудрымъ» рѣшеніемъ посредниковъ и, помню, возражалъ:

— Дѣтскія забавы... Приговоръ: часъ къ бездѣйствію!.. Игра въ солдатики. Небось, когда въ настоящемъ бою поскачетъ на пѣхоту конница въ

атаку, такъ у стрѣляющихъ руки задрожатъ... Все — новшества...

Донесеніе гр. Келлера я сохранилъ на память объ этомъ эпизодѣ.

Въ годы Великой войны, совсѣмъ для себя неожиданно я, продолжительное время прожилъ въ Н. Петергофѣ, въ чудесныхъ казармахъ Л. Гв. Драгунскаго полка. Послѣ раненія въ Люблинскихъ бояхъ 14-го года, я былъ назначенъ начальникомъ учебной команды 2-го Сводно-Гвардейскаго зап. батальона, размѣщеннаго въ Л.-Драгунскихъ казармахъ.

Нашъ Сводно-Гвардейскій батальонъ состоялъ изъ 6 ротъ полковъ Лейбъ-Гвардіи: Гренадерскаго, Павловскаго, Финляндскаго, Кексгольмскаго, Петроградскаго и Волынскаго.

Нижніе чины помѣщались по эскадронно; старшіе офицеры имѣли казенныя квартиры въ офицерскомъ флигелѣ. Я пользовался гостепріимствомъ корнета Иванова.

На плацу и въ манежѣ, съ ранняго утра и до поздняго вечера, шло обученіе будущихъ гвардейцевъ. По праздникамъ ходили мы въ Л.-Драгунскую церковь. Въ драгунскомъ собраніи, жены нашихъ кадровыхъ гвардейскихъ офицеровъ, совмѣстно съ дамами Л. Гв. Драгунскаго полка, работали по заготовкѣ бѣлья и перевязочнаго матеріала для фронта (въ память этихъ работъ, всѣ дамы имѣли честь получить особые жетоны отъ Августѣйшаго Шефа Л. Гв. Драгунскаго полка, Ея И. В. Великой Княгини Маріи Павловны). Оставшійся въ казармахъ старый драгунскій подпрапорщикъ Чепура, аккуратно выдавалъ намъ полагавшіяся

дрова и уголь, но, видимо, не особенно былъ радъ нашему «вселенію»! Изъ начальства признавалъ только «свое», драгунское, — главнымъ образомъ полковника Осѣцкаго, находившагося тогда въ казармахъ полка. Въ праздничные дни, по вечерамъ, мы брали извозчиковъ и по «бульвару Юркевича», ѣхали мимо конно-гренадерскихъ казармъ, въ Ст. Петергофъ, ко дворцу, въ Нижній паркъ, съ его роскошными фонтанами.

А зимою, въ концѣ февраля, подъ звуки своихъ полковыхъ маршей, исполнявшихся трубачами подъ управленіемъ капельмейстера Александрова, я и лейбъ-гренадеръ Томашевичъ покидали Петергофъ и Л.-Драгунскія казармы, чтобы снова ѣхать на фронтъ въ свои родные полки.

До сихъ поръ передъ глазами моими — занесенный снѣгомъ Ст. Петергофъ, аккуратныя казармы Л.-Драгунскаго п., чудесное офицерское собраніе и, около, — памятникъ Вел. Князю Владиміру Александровичу... Вижу и лихихъ Лейбъ-Драгунъ въ алыхъ безкозыркахъ...

Д. Ходневъ.

НОЯБРЬ 1914 ГОДА

I.

Переходъ изъ Ковно въ Ивангородъ.

Постепенно замедляя ходъ, поѣздъ, наконецъ остановился. Ивангородъ; мы пріѣхали. Два часа ночи. Въ вагонѣ жара невѣроятная. Выхожу на платформу и съ наслажденіемъ вдыхаю чистый морозный воздухъ.

— Эй тамъ, вылѣзай, что разоспались, ну-ка буди хлопцевъ, — доносятся изъ темноты голоса вахмистра и унтеръ-офицеровъ.

Иду вдоль эшелона. Люди неуклюже выскакиваютъ изъ вагоновъ, скользятъ, спотыкаются; — видимо еще не проснулись. Лошади глухо топочутъ ногами по досчатому полу теплушекъ. Понемногу всѣ приходятъ въ себя: выводятъ лошадей, выносятъ вьюки, выкатываютъ двуколки. То здѣсь, то тамъ раздается подбадривающая, впрочемъ еще не очень свирѣпая ругань взводныхъ.. Чувствуется, что и сами то они еще не очень проснулись. Начальникъ Дивизіонной Конно - Пулеметной Команды Штабсъ-Ротмистръ Римскій-Корсаковъ подзываетъ меня и даетъ запечатанный конвертъ съ приказаніемъ ѣхать тотчасъ же въ штабъ Ивангород-

ской крѣпости, вручить тамъ этотъ конвертъ и привезти обратно письменное предписаніе, относительно того, что намъ дѣлать дальше. Крѣпость верстахъ въ четырехъ. Послѣ пятидневнаго сидѣнія въ душномъ вагонѣ пріятно проѣхаться по морозу. Тутъ же, возлѣ станціи, вижу вытягивающіеся въ колонну эскадроны, вѣроятно, тоже только что прибывшихъ Лейбъ-Гусаръ.

Выѣзжаю на широкую, обсаженную столѣтними деревьями, аллею, подбираю поводья и трогаю рысью.

Нашу дивизію только что перебросили съ сѣвера. Мы мирно стояли и отдыхали въ Ковно. Этотъ отдыхъ намъ былъ давно обѣщанъ, когда, еще въ концѣ сентября, къ намъ въ дивизію пріѣзжалъ Командующій І-й Арміей Генералъ Адъютантъ Ренненкампфъ и лично убѣдился въ изношенности и усталости нашего конскаго состава. Отдыхъ оказался непродолжительнымъ: 3-го ноября было получено приказаніе спѣшно приготовиться къ посадкѣ и уже на другой день, погрузившись на ст. Ковно въ эшелоны, мы медленно поползли куда то на югъ.

О томъ, куда мы ѣдемъ — никто не зналъ — оставалось широкое поле для догадокъ. Эшелоны шли медленно. Помню, на ст. Гарволинъ кто то спросилъ Нач. Станціи о причинахъ такой медленности, его отвѣтъ привелъ всѣхъ въ неописуемый восторгъ и громкое «ура» разнеслось по всей станціи. Оказалось, что на фронтѣ, подъ Лодзью, мы одержали крупную побѣду и въ настоящее время впереди насъ гонятъ пустые составы, чтобы

принять, чуть ли не десятки тысячъ плѣнныхъ. Взять въ плѣнъ даже принцъ Іоахимъ Прусскій, сынъ Вильгельма... Настроеніе сразу повысилось; всюду виднѣлись оживленныя лица, въ рукахъ офицеровъ появились десятиверстки, слышались громкіе споры, смѣхъ, шутки; офицерамъ мерещилась уже полная и окончательная побѣда, а нашимъ драгунамъ — «замиреніе»...

Навстрѣчу намъ шли санитарные поѣзда, переполненные ранеными, но они ничего толкомъ не знали: — Идутъ бои, потери у насъ очень крупныя... — большаго мы добиться не могли.

Несмотря на поздній часъ, я засталъ Штабъ-Крѣпости на ногахъ. Во всемъ зданіи ярко освѣщенномъ электричествомъ, работа кипѣла. Всѣ что то писали, стучали на машинкахъ, бѣгали изъ комнаты въ комнату; непрерывно звонили телефоны... Контрастъ былъ слишкомъ великъ, по сравненію съ нашимъ недѣльнымъ сонливымъ времяпрепровожденіемъ въ вагонахъ и я не сразу могъ оріентироваться. Розыскавъ, наконецъ, кого мнѣ было нужно и, выполнивъ порученіе, я тронулся обратно на станцію. Свою Пулеметную Команду я засталъ уже посѣдланной и позавтракавшей и при первыхъ лучахъ солнца мы выступили по мосту, черезъ мрачно катившую свои черныя волны Вислу мимо стараго кирпичнаго форта съ большой надписью на воротахъ: «Ванновскій», и далѣе вдоль по шоссе на Радомъ. Навстрѣчу намъ все время попадаются толпы плѣнныхъ австрійцевъ, среди нихъ много босняковъ, рослыхъ, въ красныхъ ту-

рецкихъ фескахъ и расшитыхъ курткахъ. Конвойныхъ при нихъ незамѣтно: ихъ или нѣтъ вовсе или ихъ, во всякомъ случаѣ, очень мало. Плѣнные, видимо, очень страдаютъ отъ холода: идутъ вѣрнѣе бредутъ, какъ то самотекомъ,, подпрыгивая и дуя себѣ въ руки. Наши люди ѣдутъ всѣ въ папахахъ, тулупахъ, теплыхъ перчаткахъ, — въ зубахъ дымятся «цыгарки»...

— Что, австріякъ, будешь знать, что значитъ зима Россійская? — слышится гдѣ то сзади.

II.

Пулеметы въ бою подъ дер. Велеполье.

(20-го ноября 1914 г.).

Перейдя походнымъ порядкомъ отъ Ивангорода, черезъ Радомъ въ Петроковъ, наша дивизія къ 18-му ноября сосредоточилась въ районѣ этого города. На слѣдующій день, поздно вечеромъ я, согласно полученнаго приказанія, имѣя подъ своей командой 2 пулеметныхъ взвода (4 пулемета), выступилъ для присоединенія къ Л.-Гв. Конно-Гренадерскому полку, еще днемъ ушедшему въ направленіи на Бѣлхатовъ на поддержку нашихъ частей вотъ уже нѣсколько дней съ трудомъ сдерживающихъ наступающихъ въ Петроковскомъ направленіи австрійцевъ.

Какъ я узналъ въ Штабѣ Дивизіи, мы находились на стыкѣ двухъ нашихъ армій. Сюда, въ этотъ районъ долженъ въ ближайшіе дни сосредоточиться, перебрасываемый откуда то съ юга III Кавказ-

скій Корпусъ, но пока онъ еще не подошелъ и наступленіе противника сдерживается почти исключительно нашей, Забайкальской Казачьей Дивизіей и Уральской Казачьей Бригадой. Наша дивизія должна поддержать казаковъ до подхода нашей пѣхоты. Поздно ночью, мы подошли къ деревнѣ, въ которой уже расположились на ночлегъ Конно-Гренадеры. Сильный морозъ. Луна. Тихо.

Явившись къ командиру полка генералъ-майору Лопухину и устроивъ своихъ людей и лошадей, я съ корнетомъ Ельшинымъ воспользовались гостепріимствомъ генерала Лопухина и ротмистра Скуратова, стали устраиваться на ночлегъ, въ холупѣ, занимаемой Штабомъ полка.

Я проснулся отъ грома выстрѣловъ. Стекла въ окнахъ халупы звенѣли; было еще темно. У стола сидѣлъ генералъ Лопухинъ и, при свѣтѣ маленькой керосиновой лампочки, что то отмѣчалъ цвѣтнымъ карандашемъ на картѣ. Дверь распахнулась и заиндѣвѣвшій на морозѣ вѣстовой весь окутанный густымъ паромъ, внесъ самоваръ. Я вышелъ на улицу. Свѣтаетъ. Изъ-за лѣса выползаетъ громадное, ярко багровое солнце. Все покрыто пушистымъ, густымъ инеемъ. Морозъ крѣпчаетъ. Гдѣ то вправо, неумолчно бьетъ артиллерія. По дворамъ уже сѣдлаютъ. Еще полъ часа и Конно-Гренадеры, имѣя у себя въ колоннѣ и мою пулеметную команду, «справа по три» вытягиваются изъ деревни.

Было часовъ 10-11. — «Стой! Слѣзай»... — По своей должности начальника пулеметной части, сопровождая генерала Лопухина съ его штабомъ, я, со своими ординарцами, тоже выѣхалъ впередъ. Теперь вся дорога была запружена отступающи-

ми: кухни, подводы, лазаретныя линейки, одиночные люди, — все это кричитъ, ругается между собой. На дорогѣ, — затертый этимъ потокомъ автомобиль, въ немъ видна знакомая фигура, стоящаго во весь ростъ командира нашей 1-й бригады Свиты Е. В. генералъ-маіора кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Генералъ размахиваетъ руками, старается перекричать всѣхъ, чтобы проложить дорогу своему автомобилю, затертому въ этой лавинѣ, но тщетно: его машина не можетъ продвинуться ни впередъ, ни назадъ. Гдѣ-то впереди за лѣсомъ, артиллерія, чья неизвѣстно, стрѣляетъ безъ перерыва; временами слышенъ сплошной гулъ, а временами удается даже разслышать ружейную пальбу и дробь пулеметовъ.

Замѣтно теплѣетъ. Указывая рукой направленіе, генералъ Лопухинъ приказываетъ мнѣ занять пулеметами позицію по ту сторону шоссе. —

— Слушаюсь!.. Посылаю приказаніе корнету Ельшину 1-му подтянуть сюда пулеметы и тѣмъ временемъ самъ ѣду осмотрѣть нашу будущую позицію.

Съ перваго же взгляда, позиція мнѣ не понравилась: обстрѣлъ не болѣе какъ шаговъ на 50-100, впереди же, вдоль всего фронта, непроницаемой стѣной, высотою выше человѣческаго роста, сплошное море кустовъ. Сзади шагахъ въ 50-ти ложбина, тянущаяся параллельно фронту, кусты и рѣдкіе деревья. Вправо отъ позиціи — горка вродѣ тѣхъ кургановъ, которые у насъ встрѣчаются въ степяхъ на югѣ, на ней то я и находился въ данный моментъ, знакомясь съ окружающей мѣстностью: влѣво мѣстность открытая и перпендикулярно къ линіи фронта прямое, какъ стрѣла, шоссе, ведущее къ

противнику и вдоль котораго сейчасъ отступаютъ наши. Это шоссе вдали, въ направленіи противника, прорѣзаетъ лѣсъ, который верстахъ въ двухъ отъ насъ, опоясываетъ полукругомъ горизонтъ съ запада.

Въ душѣ недоумѣваю, почему начальство остановило свой выборъ на этомъ рубежѣ, но разсуждать не приходится, такъ какъ приказаніе дано совершенно точно. Спѣшиваю подошедшіе пулеметы и ставлю ихъ на интервалъ 30-40 шаговъ, влѣво отъ горки. Коноводы, подъ начальствомъ вахмистра подпрапорщика Шатохина, отправляю назадъ въ ложбинку. Еще разъ окинулъ взоромъ мѣстность: вижу подъ горкой впереди и вправо все тѣ же кусты. Схожу внизъ. Подъѣзжаетъ Начальникъ Дивизіи генералъ Гилленшмидтъ. «Отчего вы не поставили пулеметы на горку?»

«Ваше Превосходительство, непріятель первой же очередью смететъ все, что будетъ находиться на горкѣ; она несомнѣнно привлечетъ къ себѣ его вниманіе; я имѣю въ виду, по мѣрѣ надобности, самъ наблюдать отсюда, и кромѣ того, держать здѣсь наблюдателя, который одновременно будетъ поддерживать связь съ частями, расположенными вправо отъ горки».

На скатѣ горки, въ это время, по моему приказанію, уже рылся маленькій окопъ. Начальникъ Дивизіи молча меня выслушалъ и, ничего не сказавъ, поѣхалъ дальше. Подходитъ спѣшенный № 2-й эскадронъ конно-гренадеръ. Впереди командиръ эскадрона, ротмистръ Петржкевичъ, рядомъ съ нимъ корнетъ Окуневъ. Здороваемся и идемъ всѣ вмѣстѣ осматривать позиціи. Петржкевичъ тотчасъ же принимаетъ рѣшеніе занять своимъ эска-

дрономъ, горку и далѣе линію вправо. Со своей стороны предлагаю ему горки не занимать и передвинуть цѣль вправо, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ мѣстность передъ горкой будетъ находиться подъ перекрестнымъ огнемъ его и моимъ. Онъ не соглашается, хотя не нравилась мнѣ эта горка съ самаго начала, вѣдь кругомъ мѣстность ровная, какъ скатерть.

Тѣмъ временемъ, влѣво отъ моихъ пулеметовъ, позицію занялъ спѣшенный № 2-й эскадронъ Уланъ Ея Величества подъ командой ротмистра Осоргина, непосредственно же къ моимъ пулеметамъ примыкалъ взводъ подъ командой корнета Нарышкина.

Постепенно бой впереди затихалъ, артиллерія окончательно смолкла, лишь изрѣдка еще доносилась ружейная стрѣльба.

Въ концѣ ноября дни короткіе и солнце, нестерпимо свѣтя намъ въ глаза, склонялось къ западу. На шоссе тоже все стихло, прямо же изъ кустовъ на насъ все еще, время отъ времени, выѣзжали, отходившіе лавой, казаки.

«Впереди больше нашихъ нѣтъ», — понеслось слѣва отъ уланъ, очевидно, узнавшихъ это отъ, отходившихъ казаковъ.

— Передайте дальше...

— По мѣстамъ, заряжать пулеметы, — приказалъ я.

Смѣхъ, возня, согрѣвавшихся, до сихъ поръ, такимъ образомъ, моихъ пулеметчиковъ, стихъ. Я сталъ съ двумя дальномѣрщиками; шагахъ въ 20 впереди меня расположены были мои 4 пулемета, уткнувшись дулами въ проходившую въ 50 - 100 шагахъ отъ нихъ, густую стѣну кустовъ. Право-

фланговый взводъ, находился подъ командой корнета Ельшина I-го. Я приказалъ навести пулеметы на середину высоты кустовъ. Сзади послышался конскій топотъ и изъ лощинки на позицію выѣхалъ нашъ командиръ полка генералъ - майоръ Графъ Databaseъ. Я доложилъ ему объ общей обстановкѣ и о полученныхъ приказаніяхъ. Выслушавъ меня, командиръ полка, поѣхалъ вдоль позиціи влѣво. Солнце уже уходило за лѣсъ, кругомъ посѣрѣло и вмѣстѣ съ наступающими сумерками все сильнѣе и сильнѣе напрягались и слухъ и зрѣніе. Все стихло. Также тихо стояла передъ нами, храня свою тайну, непроницаемая чаща кустовъ. Начинало подмораживать.

Не знаю сколько времени длилось это молчаніе.

Временами, я обходилъ пулеметы, провѣрялъ наводку, временами, присаживался сзади и въ полъ голоса обмѣнивался отдѣльными фразами со своимъ ординарцемъ и дальномѣрщикомъ. Сзади, изъ лощины, доносилось фырканье лошадей коноводовъ, — но вдругъ случилось то, чего ни ожидалъ никто: гдѣ то впереди въ кустахъ, рѣзко зазвучалъ пѣхотный рожокъ. Играли столь всѣмъ знакомый нашъ русскій, пѣхотный сигналъ, называющійся, кажется, (да простятъ мнѣ пѣхотинцы!) — «Построеніе колонны». Не знаю, что означало это у противника. На минуту все стихло, но вскорѣ, гдѣ то впереди, но еще не на самой окраинѣ, послышался шорохъ раздвигаемыхъ кустовъ, слышались голоса, хотя отдѣльныхъ словъ разобрать было еще нельзя. Противникъ, повидимому, насту-

палъ очень безпечно и его люди съ трудомъ пробирались сквозь кусты.

Описывая въ настоящее время эти минуты, невольно съ гордостью вспоминаю о выдержкѣ частей всей нашей дивизіи. Вѣдь въ цѣпи лежали люди съ заряженными винтовками и у заряженныхъ пулеметовъ; каждый сознавалъ, что незамѣтно накопившійся здѣсь же въ кустахъ противникъ ежеминутно можетъ выскочить и атаковать, но не одинъ палецъ не надавилъ на спусковой крючекъ. Всякій побывавшій на войнѣ пойметъ, какъ напряглись у всѣхъ насъ нервы, но вѣдь тогда были еще люди мирной выучки, изъ Петергофа... Впрочемъ, это состояніе продолжалось недолго. Совсѣмъ близко изъ кустовъ послышались новые крики и, одновременно оттуда затрещала пальба. Ждать больше было нельзя. «Огонь», — крикнулъ я и четыре мои пулемета, забили по кустамъ. Каждый офицеръ знаетъ, какъ трудно остановить огонь, при подобной обстановкѣ, а сдѣлать это надо было такъ какъ нельзя же стрѣлять по кустамъ до безконечности. Я хваталъ наводчиковъ за плечи и, такимъ образомъ, заставлялъ прекратить огонь, этимъ предотвращая никчемную трату патроновъ; иного средства не было, такъ какъ голоса моего не было слышно. Когда все стихло, выяснилось, что на участкѣ конно-гренадеръ и противъ моего правофланговаго пулемета, показались одиночные люди противника. Пробираясь сквозь чащу, они, очевидно, не ожидали, что кусты уже кончаются и что они напорятся на нашу цѣпь... Но вотъ со стороны противника, издалека, снова послышался какой то шумъ, все сильнѣе и сильнѣе, начали прислушиваться, теперь сомнѣній ни у ко-

го уже не было: по шоссе ѣхала рысью непріятельская артиллерія. Воздухъ былъ чистый, сухой, морозный — слышно было прекрасно. Невольно всѣ насторожились. Непріятель подтягивалъ свою артиллерію и въ настоящую минуту, она ѣхала по шоссе, выѣзжая на позицію, въ этомъ отдавалъ себѣ отчетъ каждый изъ насъ и теперь съ минуты на минуту, надо было ожидать артиллерійскаго обстрѣла.

Помню, какъ забывъ о серьезности нашего положенія и опасности, угрожавшей намъ изъ кустовъ, я весь обратился въ ожиданіе: — Гдѣ же наша артиллерія, почему она не стрѣляетъ? — вѣдь шоссе было совершенно прямое, по звуку было слышно, что артиллерія ѣхала именно по немъ, да другого шоссе въ районѣ и не было... Какая благодарная и, исключительно выгодная цѣль для нашей артиллеріи! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что батареи, двигаясь по шоссе, шли растянувшись колонной при томъ поорудійно... Будь здѣсь съ нами артиллерійскій наблюдатель, связанный телефономъ съ нашей батареей или знай мы, находящіеся въ цѣпи, ея мѣсторасположеніе — артиллерія противника съ шоссе бы не ушла, но все это происходило въ началѣ войны и надо признать, что надлежащей связи, между частями, втянутыми въ бой, выработано еще не было. Трудно было на это никакъ не реагировать и, выбравъ кого то изъ своихъ людей порасторопнѣе, я приказалъ ему ѣхать и, во что бы то ни стало разыскать нашу артиллерію и доложить тамъ о происшедшемъ, хотя и сознавалъ, что время идетъ и не будетъ же артиллерія противника ѣхать по шоссе безконечно.

Снова, все стихло, но вотъ, со стороны про-

тивника, раздался первый пушечный выстрѣлъ, второй, третій... Къ счастью все перелеты. Но вотъ, поднявъ тучи песку, ударился не знаю тяжелый снарядъ или граната, у подножія горки, занятой конно-гренадерами, а вслѣдъ затѣмъ снаряды стали рваться не только позади, но и впереди, больше же всего на горкѣ и далѣе вправо. Одновременно въ темнотѣ мы разглядѣли рѣдкую цѣпь, вышедшую изъ кустовъ и остановившуюся — то были австрійцы. Увидѣли это всѣ сразу. Въ мгновенье ока, пулеметы забили... Черезъ минуту къ коноводамъ уже бѣжали люди за патронами. Возлѣ коноводовъ разорвался очередной, снарядъ. Двѣ вьючныхъ лошади вырвались и, описывая круги, носились, выскакивая, чуть ли не къ самымъ пулеметамъ. Такъ какъ уже окончательно стемнѣло, я приказалъ взводнымъ командирамъ выпускать съ перерывами, отдѣльныя очереди, дабы не допустить новаго скопленія противника на окраинѣ кустовъ. Съ минуты на минуту, надо было ожидать, что, воспользовавшись темнотой, противникъ атакуетъ и тогда намъ приходилось бы разсчитывать только на самихъ себя. Положеніе становилось угрожающимъ. Я невольно отстегнулъ кобуру револьвера. Время шло, однако противникъ ничего не предпринималъ и только продолжалъ безъ толку разбрасывать снаряды. Никакихъ поддержекъ или резервовъ у насъ не было; дивизія была гдѣ то далеко сзади. Я зналъ что среди моихъ коноводовъ, уже есть раненые. Я самъ себя спрашивалъ, долго ли еще мы будемъ лежать передъ этими кустами?.. Вдругъ я услышалъ, что меня сзади зовутъ. Обернулся и въ темнотѣ разглядѣлъ, появившагося неизвѣстно отку-

да нашего вольноопредѣляющагося Кузьминскаго. Приложивъ руку ко рту, онъ не слѣзая съ лошади кричалъ: «Приказано отходить».

Вправо, по склону горки, пригибаясь къ землѣ, съ винтовками въ рукахъ, пробѣжало назадъ нѣсколько конно-гренадеръ. Это подтвердило мнѣ то, что передалъ Кузьминскій и, поддерживая связь съ уланами, я приказалъ отходить слѣва по пулеметно, въ то же время, приказавъ пулеметамъ еще остающимся на позиціи, продолжать огонь, такъ какъ опасался быть атакованнымъ и, буквально, быть схваченнымъ, во время отхода. Сзади, почти къ самой позиціи, подъѣхалъ командиръ конно-гренадеръ генералъ-майоръ Лопухинъ, его сопровождалъ его ординарецъ, полковой наѣздникъ, унтеръ-офицеръ Главацкій. «Отходите, ну и хорошо», — сказалъ генералъ Лопухинъ и скрылся въ темнотѣ куда то вправо. Несмотря на все еще, время отъ времени, разрывающіеся снаряды, у меня, до сихъ поръ было все еще благополучно. Подъ прикрытіемъ темноты, три пулемета были уже навьючены, люди катили на лямкахъ послѣдній, за нимъ шелъ Ельшинъ 1-й.

Я ясно уже могъ разглядѣть моего вѣстового Семенова, ведущаго мнѣ навстрѣчу, мою лошадь, какъ вдругъ, что то тяжелое больно ударило меня вдоль всей спины и по головѣ, помню ощущеніе, что нечѣмъ было вздохнуть, точно не хватало воздуха... Что было дальше, — не помню. Очнулся я, уже сидя, вѣрнѣе полулежа на шеѣ у лошади, меня поддерживали съ двухъ сторонъ, мы ѣхали куда то въ темнотѣ. Сознавая свою безпомощность и что я не въ состояніи командовать, думая, что Ельшинъ ѣдетъ, гдѣ нибудь рядомъ, я

позвалъ его «Ихъ нѣтъ». — «Какъ нѣтъ?». Подпрапорщикъ Шатохинъ, который, какъ оказалось, велъ теперь пулеметы, доложилъ мнѣ, что Ельшина видѣли въ кустахъ, возлѣ коноводовъ, Затѣмъ онъ, внезапно исчезъ, точно провалился сквозь землю, его искали, но въ темнотѣ найти не было возможности, къ тому же, противникъ открылъ изъ кустовъ, сильный ружейный огонь, такъ что оставаться на мѣстѣ, съ навьюченными уже пулеметами и съ людьми, посаженными уже на коней, — было нельзя. Вѣроятно, онъ гдѣ нибудь тутъ же рядомъ, былъ убитъ на мѣстѣ и, упалъ въ кусты. Что же касается меня, то я, какъ оказывается упалъ на открытомъ мѣстѣ, люди это видѣли и поэтому, безъ особеннаго труда втащили меня на лошадь и вывезли. Постепенно, я приходилъ въ себя. Уходить теперь съ командой, я не могъ. Приказавъ Шатохину остановить команду и ждать меня и, взявъ съ собою взводнаго Агафонова и еще трехъ человѣкъ, приказавъ имъ слѣдить за мною, такъ какъ не былъ увѣренъ, что удержусь въ сѣдлѣ, я поѣхалъ назадъ, пустивъ двухъ человѣкъ въ видѣ дозора, впереди. Отъѣхавъ сотню, другую шаговъ, я увидѣлъ, что мой дозоръ остановился. «Вотъ они!» — Дѣйствительно, впереди, въ темнотѣ, шагахъ въ пятидесяти не болѣе, по полянкѣ шли на насъ какіе то люди. Услышали ли они подозрительный шумъ, не знаю, но они остановились, — мы тоже невольно осадили лошадей назадъ. Этого было достаточно. Раздалось нѣсколько криковъ, началась безпорядочная пальба. Сомнѣній не было — то мѣсто, гдѣ исчезъ Ельшинъ, было уже занято противникомъ; живой или мертвый, онъ уже находился въ рукахъ непріятеля. Мы пошли

рысью назадъ. Команда стояла на мѣстѣ и ждала моего возвращенія. Тутъ же моими пулеметчиками было случайно обнаружено тѣло убитаго, очевидно, на этомъ мѣстѣ конно-гренадерскаго полка штабсъ-ротмистра Коллоніуса.

Впослѣдствіи, въ 1917 году, за нѣсколько недѣль до большевистскаго переворота я встрѣтилъ въ Петербургѣ на улицѣ, незадолго передъ тѣмъ, вернувшагося изъ австрійскаго плѣна Ельшина. Оказывается онъ тамъ же въ кустахъ былъ раненъ въ ступню осколкомъ снаряда и тамъ же и упалъ, но въ темнотѣ, его не нашли. Двое конно-гренадеръ, вѣроятно, заблудившихся или отставшихъ отъ своихъ, наткнулись на него въ кустахъ и хотѣли вынести, но, испытывая сильную физическую боль, Ельшинъ приказалъ его оставить, а имъ уходить. Спустя нѣсколько минутъ, онъ былъ окруженъ австрійцами...

Въ ту же ночь, я былъ эвакуированъ въ Петроковъ, такъ какъ контузія оказалось очень тяжелой, а черезъ нѣсколько часовъ въ виду, начавшейся эвакуаціи этого города, насъ повезли въ Варшаву.

Въ томъ же санитарномъ поѣздѣ что и я, находился тяжело раненый во время объѣзда позиціи и черезъ нѣсколько дней, послѣ того, скончавшійся въ Варшавѣ, командиръ конно-гренадеръ генералъ-майоръ Лопухинъ и также смертельно раненый въ этомъ бою, ротмистръ Петржкевичъ. Изъ уланъ, съ нами эвакуировали, раненаго въ руку корнета Нарышкина, находившагося со своимъ взводнымъ въ бою, лѣвѣе моихъ пулеметовъ.

Тамъ же въ вагонѣ, я узналъ, что конно-гренадерскаго полка корнетъ Окуневъ, находившійся въ

бою, правѣе меня, разрывомъ снаряда былъ убитъ на мѣстѣ.

Подводя итогъ этому тяжелому для частей дивизіи аррьергардному бою подъ дер. Велеполье, нельзя не признать, что задача, поставленная частямъ дивизіи, составлявшимъ ея аррьергардъ, подъ начальствомъ доблестнаго командира конногренадеръ генералъ-майора Лопухина — была выполнена. Заградительный огонь спѣшенныхъ эскадроновъ и пулеметовъ сдѣлалъ свое дѣло: передовыя части противника на окраинѣ кустовъ были или полностью уничтожены или же, во всякомъ случаѣ, настолько деморализованы, что несмотря на ихъ явное превосходство, не могли рѣшиться насъ атаковать, упустивъ даже такое удобное для этого время, какъ нашъ отходъ къ коноводамъ, вьючку и посадку на коней. Но самое главное это то, что противникъ потерялъ нѣсколько часовъ, для преодолѣнія рубежа, занятаго аррьергардомъ и, кромѣ того, по свидѣтельству взятаго въ этомъ бою въ плѣнъ и, какъ было сказано выше, впослѣдствіи вернувшагося — корнета Ельшина 1-го, онъ понесъ въ этомъ бою громадный уронъ въ людяхъ, по сравненію съ которымъ, наши потери, даже съ ихъ высокимъ процентомъ въ офицерскомъ составѣ, являются во много разъ меньшими.

Вл. Де Виттъ.

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ

17-го марта 1911 (если не ошибаюсь), т. е. за два дня до полкового праздника, нашъ полкъ выступилъ рано утромъ изъ Петергофа по шоссе въ Царское Село.

Еще засвѣтло мы прибыли на мѣсто, прямо прошли на площадку большого Царскосельскаго дворца и выстроились, какъ для парада, въ конномъ строю.

Продѣлавъ подробно всю репетицію, командиръ полка генералъ Эрдели повернулъ полкъ налѣво, и мы пошли по шести въ Л. Гв. Гусарскій Е. В. полкъ, гдѣ люди расположились въ казармахъ, а лошади на коновязяхъ въ манежѣ полка.

Туда же прибылъ полковой обозъ съ кухнями и громадными ящиками съ мундирами, рейтузами, лацканами, чашками (эполетами) и прочимъ обмундированіемъ, на случай, если бы парадъ былъ въ пѣшемъ строю.

Мы офицеры были размѣщены въ кавалерскихъ флигеляхъ Большого дворца.

Послѣ обѣда была репетиція пѣшаго парада въ экзерцирсхаузѣ.

На слѣдующій день вечеромъ намъ стало извѣстно, что парадъ будетъ въ конномъ строю.

Настало утро полкового праздника.

Стояла пасмурная погода и каждую минуту могъ пойти снѣгъ.

Еще было темно, но люди уже чистили и убирали лошадей, тщательно расчесывая хвосты и примачивая гривки; сѣдлали, накладывая сверху вальтрапы, и одѣвались сами въ новыя шинели.

Въ 9 часовъ полкъ уже стоялъ въ конномъ строю, выровнявшись на площадкѣ Большого Дворца и ждалъ прiѣзда начальства.

Впереди, на серединѣ, на своей элегантной чистокровной кобылѣ, стоялъ генералъ Эрдели и, оборачиваясь на полкъ, посматривалъ въ сторону, откуда должно было прибыть начальство.

Къ полку подъѣхали, поздоровавшись и поздравивъ съ полковымъ праздникомъ, бригадный командиръ, начальникъ дивизiи и корпусный командиръ.

Показалась высокая, эффектная фигура Великаго Князя Николая Николаевича на сѣрой лошади.

Трубачи заиграли гвардейскiй походъ.

Великiй Князь выѣхалъ передъ середину полка и остановилъ лошадь:

— Здорово, Лейбъ-Драгуны, — крикнулъ онъ громкимъ звонкимъ голосомъ, — поздравляю васъ съ полковымъ праздникомъ.

Трубачи заиграли полковой маршъ, а Вел. Князь спокойно шагомъ поѣхалъ по фронту полка, осматривая пронзительнымъ взглядомъ каждаго драгуна, и отдавая честь офицерамъ, стоявшимъ передъ взводами.

Объѣхавъ полкъ, Вел. Князь опять выѣхалъ на середину площадки.

Въ это время къ Великому Князю подошелъ

дежурный флигель-адъютантъ и, взявъ подъ козырекъ, что то ему передалъ.

Великій Князь наклонившись съ лошади, выслушалъ его и, подозвавъ генерала Эрдели, что то ему сказалъ, а затѣмъ медленно отъѣхалъ и слѣзъ съ лошади.

Генералъ Эрдели, выслушавъ слова Великаго Князя, круто повернулъ свою лошадь къ полку, поднялся на стременахъ и, съ разстановкой, отчеканивая каждое слово, крикнулъ:

— По приказанію Государя Императора, парадъ будетъ въ пѣшемъ строю. Полкъ, по взводно на лѣво жай!.. Маршъ!

Полкъ заѣхалъ повзводно на лѣво.

— Съ лѣва по шести, по казармамъ, полевымъ галопомъ, маршъ!

Въ колоннѣ по шести, всѣ шесть эскадроновъ полнымъ ходомъ помчались по бульварамъ Царскаго Села въ направленіи на Гусарскій полкъ.

Тотъ, кто не служилъ въ кавалеріи, не сразу пойметъ, что значила для насъ эта внезапная перемѣна коннаго парада на пѣшій.

Люди были одѣты въ новыя шинели, подъ которыми были мундиры № 2-ой, безъ лацкановъ, безъ эполетъ, безъ кушаковъ.

Въ строю были новобранцы, неумѣвшіе еще сами одѣваться въ парадную форму, а мундиры № 1-й, лацкана и прочее — все было уложено въ ящики и погружено на артельныя сани.

Нужно было успѣть снять вальтрапы, разсѣдлать лошадей, достать и раздать каждому свое парадное обмундированіе, вычистить забрызганные сапоги, переодѣться, одѣть новобранцевъ, пройти

въ экзерцирсхаузъ и выстроиться до того, что прiѣдетъ Государь Императоръ.

Офицеры быстро переодѣлись и поскакали помогать одѣваться и торопить свои взводы.

Я былъ на штандартномъ взводѣ и, подождавъ пока одѣлись штандартный унтеръ-офицеръ и ассистентъ, взялъ штандартъ и пошелъ съ нимъ въ экзерцирсхаузъ.

Тамъ было лишь одно начальство, да приглашенные на парадъ.

Понемногу стали приходить трубачи, привыкшiе быстро переодѣваться.

Генералъ Эрдели стоялъ около выходныхъ дверей манежа и старался не показывать вида, что волнуется.

Увидѣвъ меня, онъ подошелъ:

— Ну что, какъ тамъ? — спросилъ онъ, кивнувъ въ сторону Гусарскаго полка, гдѣ въ это время шла горячка переодѣванiя.

— Одѣваются полнымъ ходомъ, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я спокойнымъ тономъ, вполнѣ угадывая волненiе командира.

Генералъ Эрдели, проведя двумя пальцами по носу, втянулъ воздухъ и весело улыбнувшись, отошелъ къ дверямъ манежа.

Эскадроны, отдѣльными взводами, понемногу начинали входить въ манежъ черезъ заднюю дверь.

Офицеры и унтеръ-офицеры осматривали людей, застегивая имъ пуговицы, поправляя амуницiю, этишкеты, выравнивая кивера и султаны — все второпяхъ одѣтое.

Была примѣрно половина полка, а остальные подходили понемногу.

У меня, да и навѣрное у всѣхъ, было какое то чувство нетерпѣнiя.

Командиръ стоялъ въ серединѣ манежа и съ волненіемъ смотрѣлъ то на главные ворота, то на заднюю дверь откуда торопясь подходили люди.

Вдругъ открылась внутренняя дверь предманежника, ведущая къ главнымъ воротамъ и вошелъ громадный швейцаръ экзерцирсхауза, остановился, и, взявъ подъ козырекъ, громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Его Императорское Величество Государь Императоръ изволятъ ѣха-а-ть!

Какъ пуля, генералъ Эрдели бросился къ дверямъ, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ.

— Гриммъ, вы встанете здѣсь у дверей и никого не будете пропускать. Поняли? — сказалъ онъ энергичной скороговоркой и скрылся за дверьми.

Я всталъ у дверей. Онѣ не плотно закрывались и мнѣ было видно, что дѣлалось за ними.

Между этими дверьми и большими воротами было пространство вродѣ предманежника съ большимъ каминомъ съ лѣвой отъ меня стороны, а прямо — напротивъ открытыя ворота и дорога.

Въ этотъ моментъ послышался конскій топотъ и я увидѣлъ головы двухъ рысаковъ, толстаго кучера въ медаляхъ и полости саней.

Сани повернули налѣво и остановились.

Изъ нихъ вышелъ Государь, одѣтый въ шинель; помогъ Императрицѣ выйти изъ саней и подошелъ къ воротамъ экзерцирсхауза.

Генералъ Эрдели стоялъ спиной ко мнѣ противъ воротъ.

Когда Государь двинулся къ воротамъ, командиръ, взявъ шашку подъ высь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановился, и сталъ рапортовать.

Государь, взявъ руку подъ козырекъ, внимательно слушалъ. Затѣмъ сказалъ что-то генералу Эрдели и, улыбнувшись и посмотрѣвъ на Императрицу, вошелъ въ предманежникъ и остановился противъ камина.

Государыня подошла и встала рядомъ съ Государемъ справа, а командръ слѣва.

За Государыней въ отдаленіи всталъ камеръ-казакъ.

Распахнувъ шинель, поворачиваясь и согрѣваясь у огня, Государь положилъ лѣвую руку въ карманъ и, доставъ портсигаръ, предложилъ папиросу генералу Эрдели.

Генералъ Эрдели (который обыкновенно не курилъ) взялъ папиросу.

Государь вынулъ спичку изъ портсигара и, чиркнувъ ею по верхней крышкѣ, далъ закурить генералу Эрдели, а затѣмъ закурилъ самъ.

У Государя было чрезвычайно веселое и довольное лицо. Государыня, улыбаясь, смотрѣла на командира, который что-то разсказывалъ.

По жестамъ и отдѣльнымъ фразамъ, долетавшимъ до меня, я понялъ, что командиръ говорилъ о томъ, что произошло съ момента приказа о пѣшемъ парадѣ.

Сжимая глаза и выставляя подбородокъ, генералъ Эрдели съ заразительной веселостью разсказывалъ о бѣшенной скачкѣ по Царскому Селу, о раздачѣ мундировъ и рейтузъ и, изображая новобранцевъ, показывалъ, какъ ихъ въ торопяхъ одѣвали старые солдаты и унтеръ-офицеры, застегивая кушаки и поправляя съѣхавшіе на бокъ кивера.

Государь смотрѣлъ на командира веселыми

глазами и, заражаясь его смѣхомъ, отъ души громко смѣялся.

Государыня, держа у лица носовой платокъ, посматривала то на Государя, то на командира.

Лишь по тому, какъ подымались и дрожали ея плечи, я видѣлъ, какъ она смѣялась, слѣдя за каждымъ движеніемъ командира.

Я видѣлъ и чувствовалъ, какъ здѣсь, въ этомъ уголкѣ противъ огня камина было весело, уютно и просто.

Минуты летѣли.

Но вотъ собрался полкъ и выравнявшись ждалъ встрѣтить Государя Императора.

Подошелъ полковой адъютантъ и, пріоткрывъ чуть-чуть дверь, шопотомъ позвалъ командира.

Я побѣжалъ къ моему взводу и всталъ на мѣсто.

Командиръ всталъ передъ серединой полка и скомандовалъ:

— Шашки вонъ! Слушай на краулъ! Господа офицеры!

Государь съ веселымъ и довольнымъ лицомъ вошелъ въ манежъ и, улыбаясь и ласково смотря на командира полка, принялъ рапортъ.

Веселое лицо Государя, бѣшенная скачка по Царскому Селу, спѣшное переодѣваніе — все это какъ то наэлектризовало людей.

Лица у всѣхъ раскраснѣлись и глаза горѣли. Всѣ чувствовали какой то особый подъемъ и увѣренность.

Парадъ прошелъ отлично; безъ единой ошибки.

Съ тѣмъ же веселымъ и ласковымъ взглядомъ Государь Императоръ благодарилъ полкъ за его

прекрасный видъ, за быстроту, съ которой мы успѣли приготовиться къ пѣшему строю и осчастливилъ командира полка, соизволивъ принять его въ Свою свиту.

Вотъ я и дописалъ свой разсказъ.

Передо мною прошли картины прежней красивой жизни. Я забылся, когда писалъ. Я жилъ въ томъ мірѣ, все вновь видѣлъ и слышалъ.

Полный давно забытыхъ чувствъ, верхомъ на лошади, я стоялъ передъ взводомъ.

Я видѣлъ Государя, Государыню, нашъ штандартъ и весь родной полкъ. Я слышалъ «Боже Царя Храни» и полковой маршъ.

Я такъ волновался, и такъ былъ радъ, что все сошло хорошо и что Государь остался такъ доволенъ...

Я дописалъ послѣднее слово и очнулся.

Боже, какъ мнѣ стало больно и грустно!

Э. Гриммъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ

Въ концѣ августа мѣсяца я получилъ назначеніе въ штабъ корпуса ген. Слюсаренко съ разъѣздомъ для связи съ нашей дивизіей. Съ полу-взводомъ л.-драгунъ я выступилъ по назначенію, черезъ нѣсколько часовъ явился начальнику штаба корпуса и, выяснивъ обстановку, послалъ донесеніе какъ о расположеніи частей корпуса, такъ и о имѣющихся данныхъ о противникѣ. Положеніе нашей арміи въ Восточной Пруссіи находилось на переломѣ; послѣ нѣсколькихъ неуспѣховъ и остановки нашего быстраго движенія впередъ, въ воздухѣ носилась какая то неопредѣленность въ общемъ планѣ. Теперь , конечно, не помню точно дня, но картина разыгравшаяся на моихъ глазахъ, останется въ моей памяти на всю жизнь.

Рано утромъ, къ штабу корпуса подошли новыя пѣхотныя части (кажется въ большинствѣ состоявшія изъ призванныхъ) и расположились на привалѣ около деревни и частью въ самой деревнѣ. Солдаты, составивши ружья въ козлы и будучи не въ примѣръ кавалеристамъ, которые неразлучны со своимъ боевымъ другомъ — конемъ, свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, разбрелись по деревнѣ.

Послышался шумъ моторовъ и вскорѣ показались одинъ за другимъ три аэроплана. Штабъ вы-

шелъ на крыльцо и не предвидя ничего, наблюдалъ за полетомъ. Высшіе чины штаба, конечно, были извѣщены о предполагавшейся воздушной развѣдкѣ и о слѣдованіи аппаратовъ надъ нашими частями, но ни я, ни корнетъ Ж. командированный въ штабъ корпуса отъ Л.-Гв. Конно - Гренадерскаго полка — ничего объ этомъ не знали и только теперь, стоя со штабомъ на крыльцѣ и наблюдая за полетомъ мы узнали, что это наши аппараты. Вскорѣ простымъ глазомъ можно было различить отличительные знаки русскихъ аппаратовъ. Не успѣли мы разглядѣть всѣ аппараты, какъ со стороны, гдѣ расположилась прибывшая пѣхотная часть раздался выстрѣлъ, за нимъ еще и въ одинъ мигъ вся деревня затрещала выстрѣлами изъ винтовокъ, револьверовъ и даже пулеметовъ. Все, что имѣло оружіе подверглось стадному чувству: солдаты, выбѣгая изъ домовъ и не цѣлясь, выпускали цѣлыя обоймы въ «противника». Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ была такъ сильна, что когда мы бросились бѣжать по деревнѣ съ криками: «свои, свои... прекратить огонь»... то и наши голоса, ни свистки для прекращенія огня — ничто не могло помѣшать стрѣльбѣ и ее прекратить. Пилотъ на первомъ аэропланѣ, видя, что онъ летитъ надъ своими частями и, конечно, не понимая этой стрѣльбы, а м. б. и будучи въ это время уже раненымъ русской пулей, началъ махать бѣлымъ платкомъ, чтобы остановить обстрѣлъ, но... увы, ничто не могло остановить этой стрѣльбы и на нашихъ глазахъ всѣ три аппарата начали падать въ наше расположеніе. Я лично не видалъ, но мои драгуны говорили мнѣ, что пѣхота стрѣляла даже тогда, когда одинъ изъ аппаратовъ уже лежалъ на землѣ и не только были видны отли-

чительные знаки подъ крыльями, но и погоны русскихъ летчиковъ. Сейчасъ не помню точно число жертвъ — часть летчиковъ и наблюдателей была убита, часть ранена и всѣ аэропланы погибли. Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что это былъ единственный въ исторіи войны случай, чтобы не строевая часть, а отдѣльные стрѣлки, безъ управленія огнемъ могли сбить въ продолженіи какихъ-нибудь пяти минутъ три аппарата; не говоря уже о томъ, что эти аппараты оказались своими, а не вражескими. Вѣроятно, ни одинъ изъ поднявшихся летчиковъ не предвидѣлъ такую безславную гибель — они всѣ были воодушевлены порывомъ и навѣрное съ радостью отдали бы свою жизнь, но ни въ коемъ случаѣ не отъ руки русскаго солдата, почти въ началѣ войны. Не знаю, чѣмъ кончился разговоръ ком. корпуса съ начальникомъ пѣхотной части, не знаю, было ли произведено настоящее слѣдствіе по этому дѣлу, но повторяю: картина разстрѣла своихъ летчиковъ и уничтоженіе и безъ того малаго количества аэроплановъ, русскими же, была весьма тяжелой и осталась въ моей памяти, какъ одинъ изъ яркихъ эпизодовъ боевой жизни. На мой взглядъ, вина, если и не вся, то въ большой мѣрѣ, ложится на ближайшее начальство: офицеры покинули свою часть и разрѣшили разойтись еще не боевой части, не знающей, что пользованіе винтовкой, безъ управленія ея огнемъ, приноситъ только вредъ и ненужное расходованіе патроновъ. Кромѣ того, я считаю, что штабъ корпуса, зная о полетахъ, долженъ былъ объявить объ этомъ и всѣ части корпуса обязаны содѣйствовать успѣху корпуса, но не дѣйствовать вразбродъ, а тѣмъ болѣе во вредъ общему дѣлу, какъ въ данномъ случаѣ. По-

славши подробное донесеніе въ штабъ дивизіи, я, вскорѣ послѣ этого, ушелъ со штабомъ корпуса изъ этой деревни.

Вскорѣ началось и наше отступленіе къ русской границѣ; части корпуса, состоящіе не только изъ кадровыхъ полковъ, поддались паникѣ и генералу Слюсаренко съ трудомъ удавалось ихъ удерживать въ передовыхъ линіяхъ. Когда отступленіе нѣкоторыхъ частей корпуса превратилось въ бѣгство, когда мы стали свидѣтелями, какъ «бородачи», вѣроятно, земляки, кучками, начали бѣжать въ тылъ, безъ винтовокъ, то мнѣ и др. коннымъ частямъ при штабѣ корпуса, было отдано приказаніе идти впередъ и силою оружія остановить это бѣгство.

Не знаю, удалось ли что нибудь сдѣлать другимъ, но я исполнить приказанія не могъ. Разсыпавшись въ лаву со своимъ полувзводомъ, я приказалъ драгунамъ останавливать бѣгущихъ и поворачивать ихъ назадъ, собирая по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ; огнестрѣльное оружіе примѣнять запретилъ, но имѣющимися пиками и шашками подкалывать упорствующихъ. Самъ вынулъ револьверъ и подскакивая къ бѣгущему, угрозой убить, поворачивалъ бѣгуновъ обратно; нѣсколько разъ пришлось выстрѣлить въ воздухъ.

Невдалекѣ отъ насъ я видѣлъ самого ген. Слюсаренко, кричавшаго на отступающихъ. Желаніе ген. Слюсаренко и его приказанія были безсильны; отдѣльные люди (уже не солдаты, т. к. въ большинствѣ были безъ оружія, а многіе и безъ сапогъ для легкости въ бѣгѣ) останавливались, поворачивались къ врагу лицомъ, лежали подъ обстрѣломъ, но... такихъ одиночекъ съ каждой минутой стано-

вилось все больше и больше и было видно, что намъ, 40 или 50 всадникамъ, конечно, не остановить эти сотни предавшихся паникѣ людей. Ген. Слюсаренко былъ безсиленъ — ни его приказы, ни его уговоры отдѣльныхъ солдатъ, ни личный примѣръ ком. корпуса, ни командировка конныхъ солдатъ — ничто не могло остановить отступленія и съ наступленіемъ темноты части начали свой отходъ къ русской границѣ. Поздно вечеромъ ком. корпуса созвалъ совѣщаніе начальниковъ частей. Тутъ же, въ маленькомъ, брошенномъ нѣмецкомъ домикѣ, подъ звуки ружейной и пулеметной пальбы, ген. Слюсаренко, склонясь надъ разложенной картой, при свѣтѣ маленькой керосиновой лампы и нѣсколькихъ свѣчей выслушивалъ доклады начальниковъ дивизій, бригадъ и полковъ. Т. к. въ штабѣ корпуса оставалось всего 4-5 офицеровъ — все не боевое было отправлено въ тылъ — то я также находился среди присутствующихъ. Сѣдой генералъ, герой Японской войны, украшенный Георгіевскимъ Крестомъ, молча выслушалъ докладъ строевыхъ начальниковъ, а затѣмъ своего начальника штаба, генерала М..... (забылъ фамилію, но помню, что она была нѣмецкой).

Нач. штаба видѣлъ необходимость отступать дальше и сейчасъ же не теряя времени; строевое начальство ему возражало и указывали на имѣющуюся оборонительную линію, на приказы Ставки и на желаніе ген. Слюсаренко задержаться и при случаѣ перейти въ контръ атаку. Нач. штаба, видя, что упорство ген. Слюсаренко не будетъ сломлено, объявилъ, что въ такомъ случаѣ надо сейчасъ же выкинуть бѣлый флагъ, корпусъ долженъ сдаться, а командиру корпуса уѣхать немедленно въ тылъ,

чтобы не быть блестящимъ трофеемъ для врага. Это предложеніе вывело изъ себя ген. Слюсаренко, онъ вскочилъ, стукнулъ кулакомъ по столу и въ упоръ смотря на своего «ближайшаго помощника», сказалъ:

— Ген. М., вы можете отправляться въ тылъ, а я исполню свой долгъ до конца!..

И отдалъ приказъ остановить отступленіе, окопаться и дать должный отпоръ врагу. Начальники частей разошлись, за ними вслѣдъ вышелъ и я... На дворѣ была уже ночь и ночь дѣйствительно зловѣщая. Стрѣльба не прекращалась, звуки выстрѣловъ были слышны не только впереди, но и по сторонамъ, зарево пожаровъ, какъ бы кольцомъ охватывало все видимое пространство на десятки верстъ. Наши отступающія части сжигали запасы, а оставшіеся нѣмцы-жители поджигали даже строенія, указывая путь отступленія русскихъ войскъ. Вся равнина Восточной Пруссіи, обильно политая кровью русскихъ офицеровъ и солдатъ, должна была быть покинутой навсегда.

Меня ожидалъ мой унт.-оф., чтобы узнать о рѣшеніи ком. корпуса и о положеніи на фронтѣ. Я подѣлился съ своими драгунами о происходящемъ и, не имѣя возможности исполнять свое порученіе, т. к. части корпуса не были въ связи съ сосѣдними частями и не могли мнѣ указать, гдѣ находится наша дивизія, я рѣшилъ идти на присоединеніе къ полку. На разсвѣтѣ, послѣ доклада замѣстителю нач. штаба, я вышелъ съ остатками своего полувзвода и вскорѣ около Вержболово присоединился къ полку.

КЛОЧЕКЪ ВОСПОМИНАНІЙ

(1917).

Продѣлавъ изнурительный и тяжелый походъ полкъ Лейбъ-Драгунъ сталъ квартиро-бивакомъ въ районѣ города Дубно.

Спѣшная переброска полка въ районъ сосѣдней арміи, вызывалась не столько стратегической, сколько чисто политической обстановкой. Армейскія, пѣхотныя части, внявъ призывамъ разныхъ комитетовъ, бросали позиціи, безчинствуя и грабя на своемъ пути, шли въ тылъ «углублять революцію».

Лейбъ-Драгунамъ, какъ полку, не тронутому революціей и сильному своей внутренней вѣковой спайкой, ставилось въ заданіе, энергичными мѣрами противодѣйствовать братанію и уходу пѣхоты съ позицій.

Второму эскадрону отводилось квартирьерами одно изъ имѣній кн. Сангушко, столь многочисленныхъ въ томъ краю.

Обойдя и провѣривъ расположеніе своего взвода и встрѣтивъ шт.-ротмистра Аничкова, мы пошли вмѣстѣ полюбоваться прудомъ, находящимся здѣсь же въ старинномъ, тѣнистомъ паркѣ.

Столѣтніе дубы и ивы, охватывали его какъ бы

кольцомъ. Посреди воды, при скользящихъ лучахъ заходящаго солнца, весело плескали хвостами крупныя, раскормленныя рыбы.

— Ваше высокоблагородіе, разрѣшите поглушить рыбу «англійской» гранатой, славную уху сваримъ, — отчетливо щелкнувъ шпорами и взявъ руку подъ козырекъ, обратился къ шт.-рот. Аничкову, какъ старшему изъ насъ, взводный III взвода, ст. ун. оф. Синякъ.

— Валяй, — какъ бы обрадовавшись, сказалъ Аничковъ.

Люди прекрасно знали, что просьба ихъ незаконна, но чувствовали, что охотничье сердце шт.-ротмистра, врядъ-ли устоитъ отъ столь большого искушенія. Прошло нѣсколько минутъ и съ радостными лицами уже нѣсколько л.-драгунъ бѣжало, держа въ рукахъ гранаты.

— Разрѣшите, я метну, я ихъ устройство знаю, — обратился взводный.

— Всѣмъ лечь! — приказалъ Аничковъ. Мы же съ нимъ подошли и стали въ затылокъ непосредственно за спиной метающаго. Взводный Синякъ, согнувъ правую ногу, ударилъ гранатой о шпору, вызывая этимъ воспламененіе капсюли и, продолжая держать ее въ рукѣ, сказалъ:

— Не запалило!

— Бросай, — успѣлъ крикнуть Аничковъ, но въ это время произошелъ оглушительный взрывъ, что то мокрое, липкое, ударило мнѣ въ лицо, на мгновеніе, казалось, я теряю сознаніе. Синякъ, какъ подкошенный упалъ на землю. Мы бросились къ взводному.

— Ты раненъ! — воскликнулъ Аничковъ, увидѣвъ меня забрызганнаго кровью.

— Нѣтъ, ничего, только оглушило, — отвѣтилъ я, и, нагнувшись, увидѣлъ у себя на голенищѣ прилипшій кусокъ окровавленнаго мяса. У Аничкова все лицо и погоны были забрызганы кровью. Драгуны бѣжали съ коновязи. Видъ раненаго былъ ужасный: оба глаза вытекли, правая рука выше локтя оторвана, ноги перебиты и множество ранъ на тѣлѣ, но сердце еще билось.

Два драгуна, бывшихъ въ отдаленіи, были ранены осколками.

Прибывшій фельдшеръ сдѣлалъ перевязку и соорудивъ носилки изъ пикъ и попонъ, раненаго понесли въ домъ, онъ тяжело стоналъ и спустя часъ скончался. Аничковъ и я оказались невредимы, находясь непосредственно за спиной взводнаго, принявшаго на себя весь зарядъ, спасая этимъ насъ отъ разсѣиванія осколковъ.

Такъ старый лейбъ-драгунъ, правда, случайно, безсознательно, но, въ буквальномъ смыслѣ слова — грудью своею спасъ жизнь двумъ своимъ офицерамъ.

На слѣдующій день утромъ ординарецъ привезъ записку, въ которой адъютантъ полка извѣщалъ о вызовѣ шт.-ротмистра Аничкова въ штабъ полка по дѣламъ службы.

— Ну, держись, будетъ тебѣ жестокій цукъ за рыбную ловлю!!! — говорили, напутствуя его, офицеры эскадрона.

Д. де-Виттъ.

ПЕРЕВОДЪ ЛЕЙБЪ - ГВАРДІИ ДРАГУНСКАГО ПОЛКА ИЗЪ КРЕЧЕВИЦКИХЪ КАЗАРМЪ ВЪ СТАРЫЙ ПЕТЕРГОФЪ ВЪ 1901-мъ ГОДУ

Какъ извѣстно, Гвардейскій корпусъ, съ давняго времени былъ расквартированъ въ двухъ пунктахъ Европейской Россіи: — наибольшая его часть — въ Петербургскомъ Военномъ Округѣ — въ самомъ городѣ Петербургѣ и его окрестностяхъ — Петергофѣ, Гатчинѣ, Царскомъ Селѣ, а небольшая часть Корпуса — въ Варшавскомъ Военномъ Округѣ — городѣ Варшавѣ и его окрестностяхъ. 2-я гвардейская кавалерійская дивизія, входившая въ составъ Гвардейскаго Корпуса, была расквартирована такъ: — въ Старомъ Петергофѣ — Лейбъ-Гвардіи Конно - Гренадерскій полкъ и Лейбъ - Гвардіи Уланскій Ея Величества полкъ, Лейбъ-Гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ — въ Царскомъ Селѣ, а Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ, входившій въ составъ 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи, былъ единственнымъ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкомъ, квартировавшимъ съ давнихъ временъ въ Новгородской губерніи въ прекрасныхъ казармахъ, съ дивнымъ громаднымъ манежемъ, съ прекрасной при немъ церковью — это были постройки графа Аракчеева, цѣлый рядъ казармъ по теченію рѣки Волховъ, предназначавших-

ся въ то время для военныхъ поселеній. Таковыми казармами были: Селищенскія, Муравьевскія и Кречевицкія, изъ коихъ наиближайшими къ городу Новгороду были Кречевицкія казармы, гдѣ и былъ расквартированъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ.

Въ годину Русско-Турецкой кампаніи 1877-78 годовъ, Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ, въ 4-хъ эскадронномъ составѣ выступилъ изъ этихъ казармъ на Турецкій театръ военныхъ дѣйствій, оставивъ въ казармахъ свой 5-й запасный эскадронъ. По возвращеніи своемъ въ Россію въ сентябрѣ 1878 года, Лейбъ-Драгунскій полкъ занялъ тѣ же Кречевицкія казармы, гдѣ и продолжалъ нести свою дальнѣйшую службу. Послѣ минувшей кампаніи 1877-78 годовъ сталъ назрѣвать вопросъ о необходимости сдѣлать и ввести въ организацію нашихъ вооруженныхъ силъ нѣкоторыя измѣненія, вызванныя опытомъ минувшей Русско-Турецкой войны. Назрѣлъ также вопросъ и объ увеличеніи русской кавалеріи, введеніемъ въ каждомъ кавалерійскомъ полку 5-го и 6-го дѣйствующихъ эскадроновъ, что, конечно, было связано съ вопросомъ расквартированія кавалерійскихъ частей, т. е. перемѣщеніемъ въ мѣста, гдѣ можно было бы хорошо размѣстить кавалерійскій полкъ шестиэскадроннаго состава, или, не измѣняя стоянки полка, увеличить число помѣщеній достройкою дополнительныхъ казармъ для 5-го и 6-го эскадроновъ полка, а бывшіе при полкахъ 5-ые запасные эскадроны выдѣлить въ такъ называемыя отдѣльныя бригады кавалерійскаго запаса, каковыхъ и было сформировано три бригады.

Къ восьмидесятымъ годамъ проэктъ объ увеличеніи кавалерійскихъ полковъ двумя дѣйствую-

щими эскадронами, былъ окончательно разработанъ и Высочайшимъ приказомъ утвержденъ.

Несмотря на прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ Кречевицкія казармы, гдѣ квартировалъ долгое время Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ, за невозможностью, съ введеніемъ 5 и 6 дѣйствующихъ эскадроновъ размѣститься тамъ кавалерійскому полку въ новомъ его составѣ, безъ ущерба для службы, самъ собою зародился вопросъ о необходимости перевода полка куда либо въ другое мѣсто и вотъ тутъ приняты были во вниманіе цѣлый рядъ причинъ и обстоятельствъ, на которыя горячо отозвался въ Бозѣ почившій Августѣйшій Шефъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Его Императорское Высочество, назначенный съ перваго дня своего рожденія Волею и Милостью Императора Александра II Шефомъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка, — всегда крайне сердечно, любовно, съ интересомъ и съ полной заботой относился къ тому, что касалось внѣшней и внутренней жизни полка, интересуясь всѣмъ тѣмъ, что можетъ улучшить, облегчить и помочь полку и каждому въ отдѣльности чину полка, и потому, когда Его Императорскому Высочеству стали извѣстны всѣ тѣ, какъ служебныя, такъ и частныя серьезныя причины и условія, которыя вызывались необходимостью перемѣны расквартированія полка, Августѣйшій Шефъ горячо и широко пошелъ на встрѣчу необходимости наилучшимъ образомъ перемѣстить стоянку полка.

Въ результатѣ, было рѣшено перевести Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ въ Старый Петергофъ, съ постройкою тамъ новыхъ прекрасныхъ, обшир-

ныхъ казармъ, вблизи желѣзной дороги, съ отдѣльною церковью, дивнымъ офицерскимъ собраніемъ,

Какъ служебными, такъ и частными причинами и условіями, которыя вызывались необходимостью перемѣны расквартированія полка, были: 1) Быть ближе къ городу Петербургу, чтобы имѣть, какъ всѣ остальныя расквартированныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ гвардейскія части, радость, честь и счастье чаще видѣть своего возлюбленнаго Монарха, а также и Августѣйшаго Шефа полка. 2) Быть полку ближе къ штабамъ Петербургскаго Военнаго Округа, Гвардейскаго Корпуса и штабу 2-й Гвардейской Кавалерійской Дивизіи, находившемуся въ г. Петербургѣ, а также къ Окружному Интендантству съ его складами обмундированія и снаряженія частей Гвардейскаго Корпуса, что ускоряло и удешевляло привозку и отвозку получаемаго матеріальнаго имущества. 3) Такъ какъ большинство родственниковъ и знакомыхъ полкового штата офицеровъ проживало въ г. Петербургѣ, то новое расквартированіе полка въ Петербургѣ или его окрестностяхъ облегчало и удешевляло возможность свиданія съ ними, а также облегчалась возможность устроить дѣтей и дать имъ необходимое образованіе, не разлучаясь съ ними, въ военныхъ или гражданскихъ заведеніяхъ города Петербурга. 4) Облегчалась возможность быть ближе къ частямъ Гвардейскаго Корпуса и полкамъ, входившимъ въ составъ 2-й Гвардейской Кавалерійской Дивизіи. 5) Облегчалась возможность посѣщать петербургскія библіотеки, музеи, выставки, а также театры, концерты, т. е. быть ближе къ культурному центру. 6) Приближеніе расквартированія полка къ Петербургу или его окрестностямъ

сильно сокращало личные непроизводительные расходы на пріѣздъ въ городъ Петербургъ, проживаніе въ номерахъ или гостинницахъ, и расходъ времени и денегъ на возвращеніе въ полкъ.

Таковы были главнѣйшія служебныя и частныя причины и условія, послужившія мотивами перемѣщенію пункта квартированія полка ближе къ городу Петербургу.

Августѣйшій Шефъ полка, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, ознакомившись съ вышеуказанными доводами и причинами, горячо откликнулся на ходатайство полка о перемѣщеніи на новую стоянку, послѣдствіемъ чего было милостивое согласіе и повелѣніе въ Бозѣ почившаго Императора Николая II-го, отвести подъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ соотвѣтствующій участокъ земли въ Старомъ Петергофѣ, вблизи расквартированныхъ уже тамъ двухъ полковъ 2-й Гвардейской Кавалерійской Дивизіи и на отведенномъ участкѣ построить казармы для Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка уже на шесть эскадроновъ, съ чудною полковою церковью, манежемъ и офицерскимъ собраніемъ. Казармы были выстроены въ 1901-мъ году, а вмѣстѣ съ этимъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка изъ Кречевицкихъ Казармъ въ новыя казармы.

Съ великой радостью, съ горячими молитвами на устахъ и въ сердцѣ, Лейбъ-Драгуны стали собираться и готовиться къ предстоящему переходу полка въ Старый Петергофъ. Дружно закипѣла работа въ полку, которой было достаточно для всѣхъ, какъ для строевыхъ начальниковъ, такъ и для лицъ, стоявшихъ непосредственно къ хозяйству полка.

Такъ какъ переводъ полка въ Старый Петер-

гофъ былъ предрѣшенъ къ исполненію его въ концѣ мая и началѣ іюня 1901 года, т. е. не въ зимнее время, а въ лѣтнее, — то полкомъ былъ разработанъ такой планъ: полкъ пойдетъ ежегоднымъ обыденнымъ порядкомъ изъ Кречевицкихъ казармъ походомъ на лѣтній лагерный сборъ подъ Краснымъ Селомъ со своимъ ежегоднымъ лагернымъ обозомъ, а все остальное полковое имущество съ его неприкосновеннымъ запасомъ, различный полковой инвентарь, имущество офицерскаго собранія и по личному добровольному желанію собственное офицерское имущество, перевезти на небольшой баржѣ водою по рѣкѣ Волховъ, помощью буксирнаго парохода до станціи Волховъ, а оттуда, перегрузкою имущества съ баржи на Николаевскую желѣзную дорогу, довезти его непосредственно вплоть до Стараго Петергофа. Только лишь незначительное количество полкового имущества и кое что изъ собственнаго офицерскаго имущества было отправлено по желѣзнодорожному пути отъ станцій города Новгорода и станціи Подберезье.

Въ подготовкѣ самаго способа упаковки, быстрой нагрузки на баржу имущества и наилучшемъ сохраненіи его во время перевозки, непосредственное участіе приняли на себя: — я, въ то время исполнявшій обязанности завѣдывающаго хозяйствомъ полка, полковой казначей штабсъ-ротмистръ Глѣбъ Александровичъ Колобовъ и полковой квартирмистръ штабсъ-ротмистръ Эдуардъ Эдуардовичъ Генрици I, коими до мелочей все было принято во вниманіе и разработано, чтобы наилучшимъ образомъ упаковать имущество, экономно и быстро, въ наибольшей сохранности и цѣлости доставить его до Стараго Петергофа. Такъ какъ, въ

общемъ, погода въ маѣ мѣсяцѣ была крайне неустойчивая и шли дожди, — рѣшено было, для наилучшаго сохраненія имущества, приготовить большую плоскодонную баржу, длинною 60 шаговъ и шириною отъ трехъ до четырехъ сажень и устроить надъ ней во всю ея длину двухскатную крышу. Все имущество было тщательно и обильно упаковано въ соломѣ и прикрыто, помимо крыши еще брезентами, чѣмъ окончательно обезпечивалось отъ дождя.

Наконецъ, послѣ тщательныхъ и усиленныхъ трудовъ, все было закончено и готово къ тому, чтобы двинуться по назначенію.

Въ полномъ сознаніи и увѣренности, что все было сдѣлано, чтобы благополучно, скоро и въ полной сохранности перевезти имущество на новую стоянку, мы ожидали приказанія того дня и часа, когда баржѣ слѣдуетъ тронуться на буксирѣ въ путь, для чего и былъ нанятъ буксиръ.

Наконецъ, часъ насталъ и баржа тихо и плавно тронулась подъ буксиромъ съ шестью нижними чинами полка, коимъ было ввѣрено наблюденіе и охрана баржи. Мы спокойно ожидали полученія со станціи Волховъ телеграммы о благополучномъ прибытіи баржи къ этой станціи, но, неожиданно, получили черезъ нѣсколько часовъ изъ ближайшихъ къ Кречевицкимъ казармамъ по рѣкѣ Волхову Селищенскихъ казармъ телеграфное сообщеніе катастрофическаго содержанія: «баржа со всѣмъ на ней имуществомъ, сгорѣла до тла и затонула». Пораженные, какъ громомъ, этимъ несчастьемъ, мы не хотѣли вѣрить, что это дѣйствительность, и я лично, немедленно выѣхалъ на мѣсто катастрофы.

Въ 6 часовъ вечера я былъ въ Селищенскихъ казармахъ.

Вотъ что представилось моимъ глазамъ: впереди пароходика, верстахъ въ двухъ, на дивномъ фонѣ вечерняго заката солнца, на зеркальной поверхности рѣки Волховъ, я увидѣлъ, вродѣ звѣздочки, горящую точку изъ коей тихо, совершенно вертикально зловѣще подымался конической формы столбикъ дыма до самаго неба, расширяясь къ верху — это догорала послѣдняя часть баржи — ея корма, гдѣ именно было уложено офицерское имущество и въ томъ числѣ и все мое и именно догорали мои вещи, какъ находившіяся въ самой кормѣ!

Къ слову сказать, ни у кого изъ офицеровъ имущество не было застраховано.

Изъ собранныхъ мною немедленно на мѣстѣ свѣдѣній отъ очевидцевъ постигшаго насъ несчастья и впослѣдствіи изъ матеріала произведеннаго разслѣдованія и слѣдствія, выяснилось, какъ произошелъ пожаръ баржи.

По мѣрѣ того, какъ баржа, отчаливъ на буксирѣ отъ Кречевицкихъ казармъ, двигалась вверхъ по теченію рѣки Волховъ, встрѣчный вѣтерокъ сталъ усиливаться и когда баржа прошла 15 верстъ и находилась недалеко отъ Селищенскихъ казармъ, вѣтеръ значительно усилился. Въ это самое время, внизъ по теченію рѣки Волховъ, правѣе баржи, проходилъ пассажирскій пароходъ «Красотка», слѣдовавшій отъ станціи Волховъ до города Новгорода. У «Красотки», какъ выяснилось слѣдствіемъ, хотя и былъ надъ трубой огнетушитель, но въ неисправности, вслѣдствіе чего случайная искра отъ парохода «Красотка», попутнымъ ему вѣтромъ, какъ встрѣчнымъ баржѣ, упала на правую сторону

носовой части баржи, гдѣ, какъ указано выше, въ соломенной упаковкѣ лежало полковое имущество, неприкосновенный запасъ и пр. Солома была сухая, а вѣтеръ былъ встрѣчный и сильный, — въ одинъ мигъ пламя распространилось подъ крышей баржи во всю длину баржи и настолько быстро, что находившіеся на баржѣ шесть нижнихъ чиновъ полка въ качествѣ ея сторожей, не имѣли возможности продырявить дно баржи и тѣмъ потопить ее. Они едва сами чуть не сдѣлались жертвою пожара, ища спасенія, пользуясь тѣмъ, что пожаръ баржи случился недалеко отъ берега. Спасшимся шести нижнимъ чинамъ приказано было мною оставаться на берегу рѣки Волховъ у мѣста затопленія баржи впредь до прибытія караула отъ полка изъ Кречевицкихъ казармъ для охраны того имущества, которое утонуло вмѣстѣ съ баржей на неглубокомъ мѣстѣ.

Возвратившись въ Кречевицкія казармы, я тотчасъ подробно доложилъ командиру полка, Его Высочеству Герцогу Мекленбургскому о томъ, какъ случилось несчастье и тотчасъ же былъ назначенъ и отправленъ отъ полка караулъ для охраны мѣста пожара баржи.

Такъ неожиданно и такъ несчастливо начался для насъ переводъ полка въ Старый Петергофъ!

Изъ имущества, потонувшаго вмѣстѣ съ баржей, ничего цѣльнаго и не тронутаго огнемъ, не осталось, а также бывшаго на ней собственнаго офицерскаго имущества.

Изъ господъ офицеровъ полка серьезно пострадало и можно сказать потеряло въ пожарѣ все свое имущество пять семейныхъ и въ томъ числѣ лично я.

Изъ потери имущества офицерскаго собранія особенно тяжка и непоправима потеря въ семъ пожарѣ подлинника картины «Новачинскій бой» эпохи Русско-Турецкой войны 1877-78 годовъ, исполненной художникомъ Сверчковымъ. Художникъ изобразилъ: 1) тяжело раненаго пулей въ спинной хребетъ поручика Зенкевича, котораго, сидящаго все же на лошади и подерживаемаго его вѣстовымъ, послѣдній вывозитъ изъ подъ огня и 2) трехъ офицеровъ полка, сидящихъ на нашемъ орудіи, отбивающихся отъ черкесовъ, и павшихъ смертью храбрѣйшихъ, защищая свое орудіе отъ врага, — это были: прапорщики Данилевскій, Велинскій и Назимовъ, которыхъ я тогда подымалъ на полѣ брани еще не остывшими, чтобы увезти и съ должной честью похоронить! Они были похоронены полкомъ въ городѣ Врацѣ (гдѣ полкъ стоялъ бивуакомъ, а также и Конно-Гренадерскій полкъ) въ одной изъ церквей. На картинѣ художника Сверчкова эти четыре офицера были изображены по фотографіямъ. За нѣсколько лѣтъ до пожара баржи, съ этой картины художника Сверчкова былъ сдѣланъ снимокъ и вотъ съ этого уже снимка нѣкіимъ художникомъ была сдѣлана копія того же размѣра, какъ и картина художника Сверчкова, каковая и была поставлена въ новомъ офицерскомъ собраніи новой стоянки полка.

Двинувшись походнымъ порядкомъ на лагерный сборъ подъ Красное Село и проходя Царское Село, Лейбъ - Драгунскій полкъ былъ осчастливленъ милостивой встрѣчей насъ возлюбленнымъ Монархомъ. Пропустивъ мимо себя полкъ въ походномъ порядкѣ, здороваясь съ каждымъ эскадроновъ въ отдѣльности, Государю Императо-

ру Николаю II-му благоугодно было приказать командиру полка Его Высочеству Герцогу Мекленбургскому вызвать къ себѣ изъ строя всѣхъ офицеровъ полка и со многими изъ насъ милостиво бесѣдовать въ отдѣльности, причемъ тутъ же выслушалъ и принялъ подробный докладъ отъ Его Высочества командира полка о пожарѣ баржи. Отъ глазъ и добраго сердца Обожаемаго Монарха не ускользнуло то удрученное моральное состоянiе, въ которомъ мы тогда находились отъ неожиданно постигшаго полкъ несчастья и ласково ободрилъ насъ.

Узнавъ изъ доклада командира полка, что вмѣстѣ съ сгорѣвшимъ на баржѣ казеннымъ имуществомъ погибло все личное имущество пятерыхъ семейныхъ офицеровъ, которое никѣмъ изъ насъ не было застраховано, Государю Императору благоугодно было приказать, чтобы погорѣвшiе офицеры подсчитали стоимость потеряннаго ими имущества, и выдать имъ пособiя.

Въ 1901 году, по окончанiи лагернаго сбора, полкъ прибылъ на мѣсто новой своей стоянки, въ прекрасную мѣстность Стараго Петергофа и занялъ свои новыя великолѣпно отстроенныя и оборудованныя казармы.

А. А.

Г. Г. ОФИЦЕРЫ ПОЛКА, УБИТЫЕ ВЪ ВЕЛИКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ.

1. Корнетъ Свѣнцицкій	1914 г.	августъ
2. Корнетъ Денисьевъ	1914 г.	августъ
3. Шт.-Ротмистръ фонъ-Эккъ	1914 г.	сентябрь
4. Шт.-Ротмистръ Мандражи I-й	1915 г.	февраль
5. Шт.-Ротмистръ Главацкій I-й	1915 г.	февраль
6. Корнетъ Хабаровъ	1916 г.	іюль
7. Шт.-Ротмистръ Гриневъ	1916 г.	іюль
8. Корнетъ фонъ-Бретцель II-й	1916 г.	сентябрь
9. Шт.-Ротмистръ Ставскій	1916 г.	сентябрь
10. Поручикъ Крейтонъ (умеръ отъ раны)	1918 г.	—
11. Поручикъ Баронъ Энгельгардъ I-й (умеръ отъ раны)	1919 г.	—
12. Корнетъ Князь Енгалычевъ	1919 г.	декабрь
13. Ротмистръ Графъ Толстой I-й	1920 г.	апрѣль
14. Шт.-Ротмистръ Де Виттъ II-й	1920 г.	іюль
15. Шт.-Ротмистръ Колокольцовъ	1920 г.	іюль
16. Корнетъ Келеповскій	1920 г.	іюль

Пропалъ безъ вѣсти въ бою:

Корнетъ Графъ Бенигсенъ	1919 г.	ноябрь

Г. Г. ОФИЦЕРЫ ПОЛКА РАНЕНЫЕ ВЪ ВЕЛИКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ.

1. Ком. полка С. Е. В. Ген. М. Гр. Написъ	1914 г.
2. Поручикъ Гриневъ	1914 г.
3. Поручикъ Коносевичъ	1914 г.

4. Корнетъ Ельшинъ II-й 1914 г.
5. Поручикъ Ельшинъ I-й 1914 г.
6. Шт.-Ротмистръ Де Виттъ I-й 1914 г.
7. Корнетъ Де Виттъ II-й 1915 г.
8. Шт.-Ротмистръ Кучевскій (2 раза) 1915 г.
9. Ротмистръ Березинъ 1915 г.
10. Поручикъ Бокъ 1915 г.
11. Корнетъ Іонинъ 1915 г.
12. Шт.-Ротмистръ Загорскій 1915 г.
13. Корнетъ Санговичъ (2 раза) 1915 г.
14. Корнетъ Гр. Армфельдъ 1915 г.
15. Шт.-Ротмистръ Коптевъ (2 раза) 1920 г.
16. Шт.-Ротмистръ Озеровъ I (2 раза) 1920 г.
17. Шт.-Ротмистръ Ливотовъ 1915 г.
18. Шт.-Ротмистръ Главацкій II-й 1915 г.
19. Поручикъ Десино 1916 г.
20. Шт.-Ротмистръ Генрици III-й 1918 г.
21. Шт.-Ротмистръ Лабудзинскій 1916 г.
22. Корнетъ Гевличъ II-й 1918 г.
23. Шт.-Ротмистръ Скабельцинъ 1919 г.

Г. Г. ОФИЦЕРЫ ПОЛКА, НАГРАЖДЕННЫЕ ОРДЕНОМЪ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГІЯ.

1. Е. И. В. Великій Князь Борисъ Владиміровичъ
2. Корнетъ Литвиновъ за развѣдку въ тылу противника 1914 г.
3. Корнетъ Ставскій за 2-хъ мѣсячный разъѣздъ въ тылу противника 1915 г.
4. Шт.-Ротмистръ Мандражи I-й за конную атаку 1915 г.

Г. Г. ОФИЦЕРЫ ПОЛКА, НАГРАЖДЕННЫЕ ГЕОРГІЕВСКИМЪ ОРУЖІЕМЪ

1. Нач. див. генер.-лейтенантъ Эрдели
2. Командиръ полка Св. Его Вел. ген.-м. графъ Ниродъ.
3. Флигель-Адъютантъ полковникъ Джунковскій.
4. Ротмистръ Березинъ.

5. Шт.-Ротмистръ Римскій-Корсаковъ.
6. Шт.-Ротмистръ Кучевскій.
7. Шт.-Ротмистръ Бендерскій.
8. Шт.-Ротмистръ Гриммъ.
9. Шт.-Ротмистръ Коносевичъ.
10. Поручикъ Дейчъ.
11. Прикомандированный къ полку Поручикъ Загорскій.
12. Поручикъ графъ Толстой I-й.
13. Поручикъ Скабельцинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

IMPRIMERIE «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный магазинъ Е. Сіяльской,
2, RUE PIERRE-LE-GRAND,
PARIS-8e